

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВЛАДИМИР ГОЛУБЕВ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ЗАГАДКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ»

Продолжение. Нач. в №№ 1-2, 3-4, 5-6.

Часть III. Двадцатый век

Глава 1. Сказочник, отдавший сердце Северу

Степан Григорьевич Писахов

XX век в двадцатые годы принёс с собой новую сказку, да что там сказку — новую детскую литературу, и мы с вами, отплывая в новое тысячелетие, по-прежнему смотрим на окружающий мир во многом глазами авторов прошедшего века. Но начиналось столетие с кризиса представленной на рынке детской книги.

«...Как можно терпеть этих зайчиков в юбках, этих слонов на велосипедах, эти пошлые, бессмысленные именины киски Брыски, этих катающихся в саночках, играющих в солдаты цыплят и т. д. И как велика эта однообразная, дешёвая литература беззастенчивой чепухи», — писал

критик Е. Елачич в 1914 году. Не поленимся, а заглянем в современный книжный магазин, оглянемся, пройдемся вдоль витрин и полок, что же изменилось за прошедший век — да к бесконечным милым котикам и зайчикам добавились многочисленные фэнтезийные герои...

Однако как ни крути, но к началу XX века сформировался золотой запас русской сказочной классической литературы, которым мы во многом пользуемся до сих пор — А. Пушкин, В. Жуковский, П. Ершов, В. Одоевский, А. Погорельский. На полках библиотек рядом с ними по праву разместились «Алёнушкины сказки» Д. Мамина-Сибиряка, «Лягушка-путешественница» В. Гаршина, «Сказки кота Мурлыки» Н. Вагнера и другие.

Но литературная сказка не умерла даже в годы самого лютого реализма, уже в первые годы советской власти она умудрилась начать возрождаться, правда, порой и в ином облике, и с новыми клише, несмотря на кризис начала века и гонения со стороны новых властителей дум. Чтобы не устраивать идеологические дискуссии, процитируем И. Лупанову (её фундаментальный труд «Полвека», 1969), которая, осмотрительно описав гонения на сказку, всё же отметила: «Истинная жизнестойкость сказки проявилась, однако не в том, что она уцелела, несмотря на все суды и нападки, но в том, что она оказалась в двадцатых годах родоначальницей новых традиций, определивших специфику советской литературной сказки на все последующие годы. Главной из них явилась традиция изображения противоборствующих сил как социально враждебных. Идущая непосредственно от сказочного фольклора, эта тенденция взрывала благодушную традицию дореволюционной литературной сказки с её мнимыми конфликтами и назойливыми моральными сентенциями».

По прошествии более ста лет мы с позиции потомков заметим, что советским писателям всё-таки не удалось создать мало-мальски достойные литературные сказки о пролетарской борьбе, за небольшим исключением: В. Маяковский, А. Гайдар и некоторые другие советские классики. Даже сама Лупанова признаёт, что авторов, вступивших на этот путь, поджидали «многие горькие неудачи». Несмотря на то, что, как грибы после дождя, появились «бунты игрушек» и «бунты кукол», во многом почерпнутые у дореволюционных литераторов, теперь это калька революционных событий, с борьбой классов, например, книга

Н. Агнивцева «Война игрушек» (1925). Но даже «правильная» бравая лексика не внушила никаких симпатий ребёнку-читателю, объективно отмечает та же Лупанова.

К многочисленным промахам привели регулярные попытки переосмыслить традиционные сказочные сюжеты. Сказки вроде «Золотого петушка-самолёта» (Н. Рязанов, 1924), «Необычайных приключений товарища Чумички» (Р. Волженин, 1924), «Красной Шапочки» (Т. Морозова, 1923), «Ежа-большевика» (П. Яковлев, 1925) оказались пародийными, ведь Мальчик-с-пальчик возродился в несуразном «товарище Чумичке», который «настоящий большевик», а новая Красная Шапочка бойко «всю лесную мелюзгу от беды избавила».

Не имели успеха также попытки создать аллегорические сказки (вне фольклорных традиций) на революционную тему (Т. Морозова «Октябрьская революция», 1922; А. Кравченко «Про высокую гору и маленькие ручейки», 1925 и другие, чьи произведения, как и сами авторы, теперь знакомы только специалистам). Дело создания новых литературных сказок наладилось только на проверенных «рельсах», когда у Корнея Ивановича Чуковского медведи вдруг поехали на велосипеде. «Тараканище» продолжил традиции народных небылиц, а именно сказок о животных, когда слабый обводит вокруг пальца зубастых и клыкастых, и, заметьте, без всяких революций. Вот он надолго пришёлся по душе детворе. Пускай в ней без всякой подмоги со стороны пролетариата слабый и неприметный воробей побеждает тирана таракана, здесь автор скорее пропагандирует индивидуализм и обычного маленького человека, чем мировую революцию. Следом появилась «Сказка о Пете и Симе» Владимира Маяковского...

Вот в какое непростое для литературы время герой нашего очерка принялся писать сказки, опираясь на фольклор...

Русский Север — это заповедник национальной культуры, потаённый сказочный край Руси, где до сих пор, вероятно, лучше всего сохраняются наши традиции и обычаи, наше исконное слово. В тех местах в начале XX века Михаил Пришвин, очертя голову бросившись «за волшебным колобком» неезженными путями, выискивал загадочный «край непуганых птиц». Да разве он один? А Александр Грин? Здесь

он пишет «Зимнюю сказку», ещё Евгений Замятин и Михаил Зощенко, Леонид Леонов и Аркадий Гайдар. Потому-то в XX веке степенная, как распевная былина, архангелогородская земля пожаловала нам, недостойным, целую плеяду сказителей и сказочников. Вот имена только некоторых из них: Борис Шергин (1893–1973), Иван Данилов (1952–1998) и, конечно, Степан Писахов, о ком мы и поговорим.

Замечательному архангелогородскому сказочнику Степану Григорьевичу Писахову было суждено оставить после себя один небольшой сборник сказок, но зато каких! Они столь самобытны и неподражаемо оригинальны, что скромного художника из северного города смело следует причислить к лучшим сказочникам мира. В искусстве он не стеснялся приверженности народно-поэтическому творчеству Севера, исконной крестьяно-поморской культуре. Именно на народной почве, удобренной просторечным словотворчеством с его весёлым скоморошеством и порой безудержной фантазией, буйством поморского словца и необычайного вымысла, вымахало до самых небес древо его сказок. Как из рога изобилия, Писахов посылал в скучную и обыденную жизнь всевозможные шутки-прибаутки, разные потешки и присказки, пословицы и подковырки, на всё в его сусеках нашлось острое словцо.

Известный русский писатель-сказочник и художник Степан Григорьевич Писахов родился 13 (25) октября 1879 года в г. Архангельске, правда, сам сказочник частенько, привычно подшучивая, указывал свою дату рождения — 12-е, просто число 13 ему было не по душе.

Отец писателя, еврей Год Пейсахов, по профессии ювелир, мещанин Шкловского общества Могилёвской губернии, крестился в православие и стал Григорием Михайловичем Писаховым. Отчество Михайлович он получил от крёстного отца — архангельского мещанина Михаила Прохорова. В далёком приморском Архангельске Григорий Писахов на всю жизнь забросил якорь — женился на местной красавице, записался во 2-ю купеческую гильдию, обзавёлся домом и мастерской.

Ирина Ивановна, мать Степана, была дочерью писаря конторы над Архангельским портом Ивана Романовича Милюкова и его жены Хионии

Васильевны, родом из Соломбалы, старого района Архангельска, расположенного на островах в дельте Северной Двины. Хиония Васильевна была староверкой, «строга и правильна в вере». Брат бабушки, дед Леонтий, был профессиональным сказочником-рассказчиком, о нём маленький Стёпа услышал в доме маминых родных, где всё время подолгу гостили старухи-староверки и другой странный люд из дальних деревень и скитов, звучала певучая народная речь. По словам самого Писахова: «Записывать сказки деда Леонтия никому в голову не приходило. Говорили о нём: большой выдумщик был, рассказывал всё к слову, всё к месту. На промысел деда Леонтия брали сказочником». Однако, к сожалению, Степан его живым не застал и сказок дедушки не сохранилось.

Предки со стороны матери — пинежские крестьяне из деревни Труфанова Гора (ныне д. Труфанова Пинежского района), перебрались в губернский центр, где купили дом и стали обживать большую семью. А родовое гнездо Писаховых — деревянный двухэтажный дом — располагался на улице Поморской, 27. Он, к сожалению, не сохранился, со слов местных жителей на его месте ныне стоит панельная девятиэтажка, бросающаяся в глаза со всех сторон. Сказочник очень дорожил отцовским домом и прожил в нём практически всю жизнь.

Семья Писаховых была большая — два сына и пятеро дочерей, всего родилось четырнадцать детей. Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в семье 49-летнего купца были жена Ирина Ивановна, 45 лет; сын Степан, 17 лет; и дочери Таисья, Серафима и Евпраксинья, соответственно 18, 13 и 11 лет (старший сын, Павел, в переписи не указывался: к тому времени он уже сбежал в Америку; и нет двух дочерей: Татьяны и Елизаветы, видимо, они вышли замуж). Своё основное занятие купец определил как «золотых и серебряных дел мастерство», а побочное — «торговля разными хозяйственными принадлежностями». В семье купца работали три человека прислуги: экономка, кучер и кухарка. Кроме того, Григорий Писахов содержал подмастерьев и одного ученика.

Нравы в доме были строгие, быт достаточно скромный, деньгами не сорили, но жили дружно, даже после смерти родителей. Обстановка

была уважительная, чужое мнение не навязывалось, что Стёпа, видимо, выпитал ещё с молоком матери — всю жизнь он будет уважительно разговаривать даже с кошками и собаками. Матушка часто отъезжала на богомолье, вместе с родственницей — старой девой, очень набожной, звали её Михайловной, — да ещё жертвовала на церкви и монастыри. Глубокая религиозная вера в семье сочеталась и со светскими развлечениями, Писаховы любили театр, Степан специально посещал обе столицы — побывать на выставках, сходить в театры. Но не всё было так благостно...

Остановимся пока на существенном моменте, который нам многое прояснит в творчестве и во взрослой жизни сказочника. Его отыскала современная исследовательница И. Б. Пономарёва при сборе материалов о писателе, на чью незавершённую книгу «Главы из жизни Степана Писахова» (Архангельск, 2009) мы будем во многом опираться при написании этого очерка. Так вот, со слов племянницы писателя, в их роду по матери «...были и есть девственники — старые холостяки и безмужницы». Мы сразу вспоминаем Михайловну и, что там скрывать, самого сказочника, так и не женившегося за восемьдесят лет и не употреблявшего алкоголь.

Ещё в детстве, видимо под влиянием бабушки и её необычного круга общения, Степан принимается сочинять байки про знакомых, но сказки не были безобидными, потому авторство тщательно скрывалось. Читать мальчику удавалось урывками: почему-то в семье чтение и образование не поощрялось, во всех биографиях сказочника указывается, что читал он любимого «Дон Кихота», прячась под кроватью. В гимназию, видимо по этой причине, он не попал, а окончил, кстати с опозданием, лишь только городское училище, не исключено, что выпускные экзамены не сдавал. Всю жизнь Писахов робел перед какими-либо проверками. К сожалению, фундаментальное образование у будущего писателя и художника отсутствовало, что очень ему мешало в дальнейшей жизни, несмотря на то, что все годы жизни Степан Григорьевич упорно занимался самообразованием.

Видимо, настороженное отношение к образованию исходило от отца. Григорий Михайлович хотел видеть в наследниках людей, крепко

стоящих на ногах, с хорошей и востребованной профессией, а тут, как назло, обоих сыновей потянуло прочь от дома в художники, что, видимо, приводило к конфликтам в семье. Безусловно, тяга мальчиков к изобразительному искусству передалась им от отца-ювелира. Нет ничего странного и в том, что Писахов-старший не стал благосклонно относиться к увлечениям сыновей, он переживал — не на кого было оставить семейное дело, кормившее всю родню. Вспомним, что старший сын уже сбежал, а в семье вообще считали, что он утонул, оставалась одна надежда на Степана. Верно, доставалось младшему по первое число. Многие исследователи описывают случай, когда во время ледохода на Северной Двине будущий художник весь в слезах от гнева отца стремглав помчался по льдинам к бабушке в Соломбалу, и этот переход через реку мог закончиться для него трагически...

Однако вернёмся к Павлу Писахову, талантливому художнику, который и младшего брата научил держать кисть в руке. Однажды летом он отправился купаться и исчез. На берегу нашли только узелок с одеждой. Как водится, принялись искать тело в реке, но безуспешно, и тогда все решили, что парень утонул. Но по городу поползли слухи, что Пашка не погиб, а удрал за границу на иностранном судне, возможно прячась от призыва в армию, да вдобавок, как мы знаем, он не ладил и с отцом. Где-то через пятнадцать лет, в 1917-м или в 1919-м году, на улицу Поморскую, 27 пришло письмо из Америки от Павла, что он жив и здоров, женат и разбогател. Но вот только несчастный отец и бабушка, которая верила, что внук спасся, так и не дождалась радостного известия из-за океана. Как тут не вспомнить современника Писахова, замечательного сказителя и писателя Бориса Шергина, с его историей о Ване Датском, что тоже убежал из Архангельска за границу.

Видимо, после случая со старшим сыном Григорий Михайлович стал опасаться, что и Степан, кстати внешне сильно похожий на отца, пойдёт по той же «кривой дорожке» живописца, и нещадно противился этому. Всё это порождало конфликты, но будущий художник нашёл в себе силы противостоять воле отца и уехать из родного города, чтобы во чтобы то

ни стало стать художником. Сам по себе робкий и осторожный, склонный к компромиссам, Писахов частенько лавировал в зависимости от обстоятельств, что позволило ему выжить в непростые времена, выпавшие на его долю, но вместе с тем он был горд и не унижался, до конца отстаивал свои решения. Его характер оказался крепким, как камень. Как пишет Ирина Пономарёва, «Писахов терпел всё, но не сворачивал со своего пути».

В последний раз касаясь Павла Писахова, отметим только, что в тяжёлые двадцатые годы он из Америки помогал выжить семье, ну а дальше наступило такое время, что только одно упоминание о родственнике за границей могло закончиться обвинением в измене Родине и в лучшем случае заключением в ГУЛАГ. Исключительная привязанность к родному дому Писахова, возможно, и была вызвана в противовес постыдному бегству старшего брата, о котором знал весь Архангельск. Степан Григорьевич всей своей нелёгкой жизнью доказал: он, несмотря на то что выбрал стезю художника, отчуждению крову не изменил. Но подобная верность давалась тяжело, о чём он не раз говорил в старости, например, водопровод в его доме появился незадолго до его смерти, отопление оставалось печным, следовательно, надо было засучив рукава колоть и заготавливать дрова...

Но ещё страшнее портило жизнь сказочнику его непролетарское происхождение — то, что он сын купца-ювелира, то есть частника, у которого были подмастерья и ученики, значит, он эксплуатировал наёмных рабочих. Проще было бы Писахову перебраться куда-нибудь в другой город или в столицу, где его никто не знал, как сделал его земляк Шергин, навсегда порвать с неблагонадёжным прошлым и начать жизнь с чистого листа, указав в анкете нейтральное происхождение — из мещан. А тут ещё, как назло, родной брат живёт в Америке и в придачу сотрудничество с Белой армией во время Гражданской войны. Кстати, здесь, в родном городе, его долго за глаза называли «белым», «белогвардейцем», но Степан Григорьевич с честью нёс эту нелёгкую ношу, постоянно ожидая ареста и приговора, но всё это будет потом...

Двадцатилетний Степан уезжает в Казань с намерением поступить в художественную школу, но угодил в неприятную историю и по подозрению в революционной деятельности был подвергнут двухнедельному аресту вместе со студентами университета. Первая попытка получить

настоящее художественное образование расстроилась. Он не отступает от своей мечты и повторяет её в 1902 году, но теперь направится в Петербург, где поступит вольнослушателем в Центральное училище технического рисования барона Штиглица, ныне СПГХПА имени А. Л. Штиглица (в позднесоветское время ЛВХПУ имени В. И. Мухиной, или просто «Муха»).

Писахов жил впроголодь: снимал «угол», покупал материалы для учёбы, и это всё на десять рублей в месяц от отца, которых, естественно, не хватало. На еду у него оставалось всего лишь четыре копейки в день. Только на второй год обучения Степан вздохнул с облегчением — стал подрабатывать на различных заказах, что позволило брать уроки живописи и вне училища. Всё заканчивается в 1905 году: во время революционных волнений Степан выступил на митинге с речью против самодержавия, за что и был исключён из училища с четвёртого курса без права продолжения художественного образования в России.

С этого времени он начинает путешествовать и вначале едет в Великий Новгород к известному краеведу и хранителю древнерусского искусства В. С. Передольскому. Они быстро сошлись, пожилой историк-самоучка и недоучившийся художник, ведь гость оказался таким же фанатичным поборником гибнущей народной красоты, как и он сам, как навечно вписанные золотыми буквами в историю нашей культуры М. Тенишева, братья Васнецовы, Н. Рерих, И. Грабарь. Видимо, ещё во время общения с бабушкой и богомолками народная культура вошла в его плоть и кровь, да и встреча с Передольским повлияла на мировоззрение художника. С тех пор проявилось неудержимое стремление Писахова при первой возможности отправляться в разбросанные по берегам северных рек селения Печоры, Пинеги, Мезени, Онеги, куда он не раз выезжал в поисках сохранившихся сокровищ национальной культуры и где ему удастся в полной мере погрузиться не то что в XVIII или XVII века, а даже в XVI век.

После Новгорода Писахов отправляется на этюды на Север, и не в родные места или на Мурман, а напрямик на загадочную и малоисследованную Новую Землю, поморскую Матку. Красота далёкого и заповедного Заполярья потрясла начинающего художника. «Яркий

звонкий юг мне кажется праздником шумным — ярмаркой с плясками, выкриками — звонкий праздник! Север (Арктика) — строгий, светлый огромный кафедрал. Простор напоен стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика — утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается», — позже писал С. Г. Писахов в своём дневнике...

После арктического архипелага художник направляется на юг, в Египет, с четырьмя копейками в кармане и двумя кусками сахара, по дороге заезжает в Турцию, Грецию, Сирию, совершает паломничество по святым местам. В Александрии его ограбили, денег осталось всего пятнадцать копеек, а до парохода в Италию ещё три дня. Как жить? Выручили русские, живущие в городе. В Италии российский консул снабжает Писахова деньгами, пока ему не пришлют из дома...

Сезоны 1906–1907 годов он то в Риме, то в Париже. В Свободной академии продолжает художественное образование. Странствует Писахов практически без денег, его часто обворовывают, и он выживает благодаря посторонним людям. Будучи неприятельным человеком, он стоически переносит лишения и невзгоды, потому много путешествует практически на копейки, часто передвигается пешком. Зимы проводит в Петербурге, а с 1910 года начинает активно выставляться. Его творчество замечает даже И. Репин и приглашает к себе, но застенчивый Писахов так и не решился отправиться к великому художнику в его известное всему художественному миру России имение Пенаты, в Куоккале.

В 1915 году Степан Григорьевич призван в армию, служил он в Финляндии и с 1916 года в Кронштадте. Демобилизован в 1918 году и, вернувшись домой, почти сразу пробует силы на новом поприще. Из-под пера новоявленного литератора появляются первые очерки: «Самоедская сказка», «Сон в Новгороде», опубликованные в местной газете, которая, между прочим, издавалась известным поэтом-суриковцем и журналистом, выходцем из крестьян Максимом Леоновым (псевдоним — Максим Горемыка), отцом будущего классика советской и русской литературы Леонида Леонова. Нельзя сказать, что у Писахова это были первые пробы пера, ещё до революции по совету известного писателя и редактора И. И. Ясинского Степан Григорьевич записывал свои первые рассказы, но неудачно.

Растёт известность молодого художника в родном Архангельске. Так, 3 мая 1919 года в газете «Северное утро» публикуется очерк девятнадцатилетнего Леонида Леонова под названием «Поэт Севера» с подзаголовком «У художника С. Г. Писахова». А 21 июля в Архангельске открылась его персональная выставка картин. Но 2 августа в Архангельск вошла Белая армия. В числе встречающего народа, стоявшего на парадной пристани Архангельского порта, оказался и художник Степан Писахов. Безусловно, у него было сложное отношение к власти большевиков (имеются поучительные воспоминания Л. Леонова о том времени и взглядах Писахова на происходящее). Об этом говорит и его поспешное возвращение в 1918 году на родину из бушующего Кронштадта, видимо, революционные события по всей стране, разгон Учредительного собрания испугали художника, как и бóльшую часть российской интеллигенции. Конечно, если бы Писахов горячо поддерживал власть большевиков, то наверняка бы остался художником при Совете депутатов и сделал головокружительную карьеру живописца в столице, как многие художники в эти годы, ведь революционной агитации уделялось много внимания, но...

Газета Леонова продолжала выходить и при белых, и в ноябре-декабре в «Северном утре» публикуются три очерка Степана Григорьевича. В них скрупулёзно рассказывается о поездке будущего писателя на поезде тяжёлой артиллерии «Деникин» на фронт в район Плесеца не просто в качестве специального корреспондента, а добровольцем-ополченцем. Писахов подробно описывает бои и своё участие: «Подобрал винтовку, брошенную красными (японского образца), набрал патронов, присоединился к солдатам у мостика» или: «С разрешения капитана С-го я пустил снаряд к большевикам, встав на место стреляющего».

В феврале 1920 года в Архангельск вступили части Красной армии. Газету закрыли, Леонид Леонов сразу же покинул город и перебрался на юг России. Борис Шергин уехал в Москву по приглашению Института детского чтения, только Писахов остался на родине... Нам видится, что есть какая-то непостижимая с первого взгляда, но всё же великая

справедливость, что созидатель, оставшийся на малой родине, не укативший за жирным куском и другими сладкими посулами в столицу или ещё куда-то, где мёдом намазано, частенько проигрывает во всероссийском успехе... Однако как ни крути — ныне музей в Архангельске посвящён именно ему, не предавшему отчий край, не отступившему, сохранившему своё творческое лицо. Но мало того, Степан Григорьевич за всё долгое житьё-бытьё на Поморской улице попрекался бдительными советскими гражданами за якобы «белогвардейское» прошлое. Вдобавок по городу ползли слухи: мол, Писахов, выйдя из столовой, демонстративно выливает суп на мостовую, на самом деле он собирал кости и подкармливал голодных собак...

Вследствие этого, видимо защищаясь от агрессивно настроенного общества, он как старик отпустил бороду, в сорок лет приняв вид деда-чудака «с приветом», эдакого городского сумасшедшего, почти выжившего из ума. И, часто перебиваясь с хлеба на воду, почти всю жизнь донашивал старую, ещё отцовскую одежду. Говорил нарочито невнятно, что-то бормоча в бороду, в разговоре, как и в письмах, мог запросто перейти от реальности к выдумкам, мог заболтать человека, рассказывал о себе бесконечные байки. Постепенно Степан Григорьевич превратился в человека-миф и с радостью поддерживал подобную известность этакой архангелогородской «достопримечательности» среди горожан и приезжих.

С приходом на Север советской власти наступает новая жизнь, художнику надо вновь подстраиваться под неё, ломать привычный уклад. Один из двух домов Писахова национализировали, во второй, тот самый, на Поморской улице, где он жил с сестрой, без спросу подселили квартирантов. Но появилась хоть какая-то работа — художник готовит персональные выставки, делает зарисовки мест боёв Гражданской войны, по заданию Русского музея отправляется рисовать памятники архитектуры на Мезени и Пинеге, и это далеко не всё.

В 1923 году Писахов показывает на архангельской краевой художественно-промышленной выставке коллекцию из пятисот рождественских «козуль» — ритуальных расписных фигурных печений. Он сравнивает их с немецкими новогодними пряниками, а рисунки на

них — с известными изображениями из Древнего Египта и Индии. Но большинство этнографов это не интересует, крестьянская культура объявляется религиозной и кулацкой, оттого вскоре вся коллекция гибнет. По городам и деревням под видом борьбы с религией сжигаются деревянные храмы вместе с иконами, а шедевры народного творчества сбываются за границу с целью получения так необходимой для мировой революции валюты.

Писахов вместе с другими патриотами Севера — Б. Шергиным, О. Озаровской, А. Поповым, П. Истоминым, А. Покровской, Е. Тагер — вёл борьбу против примитивных взглядов на крестьянскую культуру, и, видимо, на волне горьких раздумий о будущем народного творчества в эти же годы он сочиняет первые сказки, стремясь вдохнуть в них новую жизнь, приспособить к новым временам, спасти привычный с детства язык.

В 1924 году в сборнике «На Северной Двине» наконец-то состоялся поздний дебют — публикуется первая литературная сказка сорокапятилетнего Писахова «Не любо — не слушай...», буйной фантазией напоминавшая одноимённые народные сказки. В 1927 году новые северные сказки в записи и с комментариями Писахова были опубликованы в альманахе «Советская страна». Сказки архангелогородца также печатались в губернской газете «Волна» и в краевой газете «Правда Севера». Постепенно они приобретают известность, правда в основном у взрослого читателя, их начинают передавать по радио, исполнять с эстрады.

В 1934 году в «Звезде Севера» появляется публикация Б. Зубакина о художнике Писахове, но сообщается также и о его литературном творчестве. Автор отмечает: «...крупнейшие литераторы, как русские, так и европейские неоднократно писали о Писахове. Из русских упомянем Л. Леонова, Лидина, Покровскую, Шергина, Маршака, Зуева, Илью Эренбурга и др.».

Но повседневная жизнь Писахова по-прежнему остаётся неустроенной. Художник, чтобы выжить, берётся за преподавание живописи в городской школе № 3, которое на многие годы стало для него основным источником дохода, большая живопись и литература расценивались им

и властями как работа по совместительству. Денег на жизнь постоянно не хватало, но он умудряется помогать родственникам и ученикам. Писательский труд не может стать для Степана Григорьевича основным, пока его не опубликуют в центральных журналах и те издательства, где платят приличные гонорары, на которые можно хоть как-то сводить концы с концами. Только в 1935 году Писахову кое-как удаётся пробить лёд непонимания и равнодушия по отношению к своему творчеству. В журнале Союза советских писателей «Тридцать дней», в № 5, под заголовком «Мюнхгаузен из деревни Уйма» вышло несколько его сказок. Публикация придала новых сил сказочнику, и он понимает, что надо больше писать сказок и не бросать это занятие, а такие мысли у него не раз появлялись. До 1938 года в этом журнале вышло ещё более тридцати сказок Писахова. Но даже небольшое внимание центральной прессы сделало своё дело, в 1938 году в Архангельске выходит первая самостоятельная книга С. Г. Писахова «Сказки».

Как знак профессиональной пригодности в 1939 году его под радостный смех приёмной комиссии принимают в Союз советских писателей; как ни крути, но это признание, путь в литературу открыт, ведь теперь он не просто марающий бумагу чужак из далёкого Архангельска, а профессиональный автор.

В 1940 году там же, в Архангельске, выходит вторая книга сказок скромным тиражом 10 000 экземпляров, круг его читателей расширяется, дети наконец-то узнают весёлого сказочника. «Литературная газета» публикует материалы обсуждения сказок Писахова. А в «Литературном обозрении» № 2 за 1941 год выходит рецензия П. Е. Безруких на книгу сказок, написанная по всем канонам сталинского социализма, — о счастливой жизни художника после 1917 года... Автор статьи отмечает рост литературного мастерства сказочника в новой книге, предостерегает от увлечения варьированием повторяющихся сюжетов, обедняющих книгу. Неоднократно критиком подчёркивается антирелигиозная направленность сказок, так, из сорока четырёх произведений целых четырнадцать в той или иной форме «высмеивают попов», а также и ненавистное самодержавие.

Внешне кажется, что всё в жизни наладилось и наконец-то заслуженный успех пришёл к сказочнику. Но на самом деле Писахов в это время жил в атмосфере сильной травли, что ясно видно из его переписки.

Так он откровенно пишет Б. В. Грозовскому: «Травля — тяжёлый гнет». Его юбилей по поводу 40-летия творческой деятельности, позволяющий провести выставку, напомнить о себе, что-то заработать, отменён местными художниками. Да, выходит не только травили чиновники, но и свой брат живописец приложил руку. В конце письма Писахов печально отмечает, словно подводит итог своей литературной карьеры: «Здесь мои сказки не рассказывают — тихое запрещение».

Оставался ещё один шаг к общесоюзной известности и хоть какой-то минимальной стабильности — издание книги в московском издательстве, но помешала сама история, она тётка загадочная и сволочная. Как на грех, на СССР напала гитлеровская Германия, и подготовленную к печати книгу сказок Писахова издать не успели.

Годы Великой Отечественной войны Писахов провёл в Архангельске, разделяя с земляками все невзгоды тыловой жизни. Пенсии не было, о ней, кстати, даже хлопотал в Москве старый друг — Леонид Леонов, но безуспешно. Но Степан Григорьевич не опускал рúки и часто вместе с другими местными литераторами был желанным гостем в госпиталях. Несмотря на то, что на территории Архангельской области не шли бои, город бомбили с августа 1942 года и с неба на горожан сыпались фугасные и зажигательные бомбы, часто вспыхивали пожары, ведь город в основном был построен из дерева. К началу войны в области проживало более 1 миллиона человек. Из них 270 тысяч человек были призваны на фронт, 213 тысяч архангельцев погибло в боях за Родину. Положение местного населения было крайне тяжёлым. За 1941–1944 годы в Архангельске от голода и болезней умерло 38 тысяч человек. С первых месяцев войны хлеб здесь выдавали по карточкам, норма выдачи опускалась до значений блокадного Ленинграда (125 граммов). Усугубили голод и холодное лето 1941 года, когда, например, в Мезени в июне шёл снег, как следствие, кормилица картошка не уродилась. Люди ели собак, ловили птиц, употребляли в пищу корни деревьев, привозили яйца птиц, гнездящихся на Новой Земле, ловили рыбу, креветок и массово добывали тюленя. Добытые мясо, жир и шкуры северных животных спасли от голодной смерти и холода тысячи нуждающихся людей.

В творчестве С. Г. Писахова в это время полный застой и уныние и как грустный итог — отчаянные слова, полные неподдельного трагизма в письме А. И. Вьюркову, московскому писателю, постоянному корреспонденту Писахова в 1940-е годы: «Время не ждёт, стукнуло 65... Бажов живёт в культурном месте, его берегут. Была... собрана комиссия, юбилейная. Надо было подписать отношение в Москву для утверждения о разрешении юбилея. ...Кому надо было подписать — хворал. Поправился и отменил. Картин моих он не знает. Сказок не читал и не стал читать. Просто запретил! И всё. Даже учительской пенсии нет, даже возрастной нет. Живу перевертываюсь... Порой хочется жить. Хочется дождаться конца погани — фашистов. На мне одежда расплзается. Пальто донашиваю отцовское!.. А я ещё тяну, всё ещё как-то нахожу возможность оплатить обед, штопать одежду, утешаюсь мыслями: вычеркнуть юбилей смогли — вычеркнуть меня из существования могут. Вычеркнуть мои работы — картины, сказки... Врут-с! Не вычеркнуть! Герои Салтыкова-Щедрина живы». Особенно красноречива итоговая фраза, да и всё письмо пронизано нескрываемой обидой и болью одинокого художника.

Что изменилось с тех вроде бы далёких времен? Вопрос риторический — кажется, мало что поменялось. Ныне мы часто видим чиновников от культуры, ничего общего не желающих иметь с самой культурой, а только успевающих штамповать массовые якобы мероприятия, и не то что не помогающих настоящим художникам, а чаще просто не замечающих их или даже пакостящих им, бесконечно экономящих средства или пропихивающих только «своих». Где те меценаты, что когда-то помогали талантам? Брани́ что есть силы родину, яростно отрицая классическое искусство — и деньги на тебя найдутся. От того, видимо, творцы в России должны жить долго наперекор всему, как минимум отмерять жизненный срок, как Степан Григорьевич, чтобы добиться признания хоть на малой родине. Кто бы помнил северного сказочника, умри он лет в шестьдесят или пятьдесят? Только несколько специалистов...

После окончания войны Писахов приносит в Архангельское издательство рукопись, состоящую из ста сказок. Её «два года перечитывали...»

и наконец отобрали девять произведений. Эту маленькую книжечку, опубликованную в 1949 году, Писахов отослал Илье Эренбургу с просьбой «помочь подтолкнуть в издании мои сказки». Очередной юбилей сказочника был просто-напросто запрещён, теперь уполномоченным Союза советских писателей Константином Коничевым, якобы за критику со стороны Писахова. Что самое поразительное, Коничев — успешный писатель и писательский функционер — был много лет редактором Архангельского издательства и редактировал в том числе сказки Писахова, у них были почти дружеские отношения, он даже отговорил в 1939 году сказочника от самоубийства. Но теперь, после этого конфликта, десять лет Писахова не издавали даже в родном городе...

Отвлечёмся, чтобы чуть подробнее поговорить о тех временах. «Всем было тяжело, но только Писахову», — скажет мудрый читатель. Многим, но не всем. Мало кто помнит сейчас Коничева, тоже северянина, уроженца Вологодской губернии, участника Великой Отечественной войны. Хорошо хоть ныне земляки не забыли строгого руководителя архангельских писателей. Приведём лишь небольшую часть его блистательной биографии, чтобы наглядно было видно, как по-разному жили писатели и простые люди в то время, да и ныне, прямо как в антисоветской поговорке: «два мира, два Шапира». Итак, товарищ Коничев в 1946–1951 годах — редактор Архангельского издательства, руководитель местного отделения ССП. После переезда в Ленинград, в 1952–1953 годах — повышение, теперь он главный редактор Лениздата, одного из крупнейших издательств страны. А с 1953 года и до конца жизни Константин Иванович был занят только литературно-творческой работой. Жил он в небольшой квартире в центре города «трёх революций», прямо на Дворцовой набережной, но основное время проводил в творческих поездках по Советскому Союзу. Исколесил также много зарубежных стран — Египет, Грецию, где побывал в Афинах, Дельфах, Коринфе, и даже посетил легендарную Спарту. Итогом этой поездки стала книга «По дорогам Эллады». Но самым впечатляющим и плодотворным оказалось путешествие в государства экваториальной Африки — в Нигер, Того, Верхнюю Вольту, Дагомею, Габон. В книге «Там, где рвут оковы рабства» писатель поведал о своей встрече со знаменитым доктором и учёным-гуманистом Альбертом Швейцером, всю свою жизнь посвятившим лечению местного населения. Интересно, рассказывал ли он ему о чуде из далёкого северного

города, поинтересовался ли правильностью своего поступка в отношении несчастного одинокого старика, увы, нам, конечно, никогда не узнать. Как говорится, почувствуйте разницу...

Вернёмся к сказочнику Писахову. Лишь через много лет, в 1957 году, в издательстве «Советский писатель» появилась первая «московская» книга Писахова «Сказки», живописно оформленная художником Иваном Кузнецовым, с цветной вклейкой, она-то и делала книгу необычайно по тем временам привлекательной. Наконец-то к писателю начинает приходиться всесоюзная известность, его читают советские дети во всех уголках большой страны. Через два года, к 80-летнему юбилею Степана Григорьевича, родное Архангельское книжное издательство разродилось и выпустило роскошную книгу сказок в художественном переплёте с замечательными рисунками Ю. Данилова и портретом автора.

Впервые юбилей Писахова так широко отмечают в Архангельске, всё-таки восьмидесятилетие. Центральные и местные издания публикуют статьи о «северном волшебнике слова». Поздравления шли из Новгорода, Арзамаса, Вологды, Ленинграда, Москвы. Ученики-художники прислали самовар и шуточный рисунок — Писахов несёт огромную книгу сказок «На самоваре вокруг Луны». В поздравлении Леонида Леонова есть такие точные слова, характеризующие всю жизнь Писахова: «Без Вас не мыслю Севера». А местные власти наконец-то взяли за обветшалый с годами дом Писаховых. Степан Григорьевич успел почувствовать широкую известность, вот только силы уже были не те, что поделать, годы пролетели, как стаи весенних птиц на безвестную поморскую Гусиную Землю...

«Времена не выбирают, / В них живут и умирают», — написал замечательный поэт А. С. Кушнер. Последние месяцы жизни сказочник проводит в отремонтированном родном доме. Много раз полусерьёзно Степан Григорьевич утверждал, что собирается отметить не только вековой юбилей, но и непременно дожить до 2000 года. Об этом он даже написал весёлую сказку «Как мы встречали 2000-й год», которую «рассказывал» своим адресатам в письмах 1959 года. За несколько месяцев до смерти, несмотря на старческие недуги (по зиме он простудился

и месяц даже не мог ходить), Писахов всё равно умудрился сочинить свою последнюю сказку «Корона» во всегдашнем радостном ключе...

Майским днём (3 мая) 1960 года, когда неспешная северная весна вовсю несёт тепло на берега Белого моря, а неподалёку от Поморской улицы любимая река сказочника — Северная Двина — готовилась к вскрытию ото льда, Писахова не стало. Но жизнь продолжалась: где-то рядом в порту к скорой навигации спешно подкрашивали теплоходы, а школьники спешили в школу и в их ранцах лежали книги покинувших нас сказочников.

Похоронен замечательный художник кисти и слова на Ильинском кладбище города Архангельска.

25 октября 2007 года, аккурат ко дню рождения Степана Григорьевича, на улице Поморской, 10, в кирпичном купеческом особняке, был открыт музей Писахова. Милая родина, такая скупая на похвалу при жизни художника, наконец-то вернула долг своему верному сыну, всю жизнь воспевавшему неброские северные края в картинах и сказках. Но не всё хорошо вышло и с музеем сказочника, вот и здание из-за проседания грунта было закрыто на реставрацию аж до 2021 года. А разве у сказочника была лёгкая жизнь, с дорогой, усеянной лепестками роз? Но ныне, так и хочется произнести «на веки вечные», пристанище архангелогородского кудесника слова, заслужившего бессмертия в памяти людей, с нетерпением ждёт нас всех в гости.

В 2008 году в Архангельске, на пересечении улицы Поморской и проспекта Чумбарова-Лучинского, состоялось торжественное открытие памятника Степану Григорьевичу Писахову (автор — заслуженный художник России Сергей Сюхин). Бронзовый сказочник добродушно улыбается в усы и в бороду и протягивает руку прохожим, в авоське у него — рыба, к ноге прислонился пьяный кот (ведь не только рыбу дворовым котам приносил Писахов, но и всегда имел в кармане пузырёк с валерьянкой для усатых и хвостатых друзей), а на шляпе устроилась крикливая чайка, видимо, прилетевшая с Двины на запах рыбы. Рядышком с сочинителем примостился и его главный герой — Сеня Малина. Он тоже не удержался и переселился в центр города из родной Уймы или с чёрно-белых страниц!

О шутилом сказочнике с грустными глазами издатели после смерти не забывали, особенно старались к юбилеям, так, в 1969 году в Архангельске выходит тиражом 50 000 экземпляров его книга сказок с чёрно-белыми иллюстрациями архангельского художника Василия Вежливцева (1930–2000), который лично знал Писахова.

В 1978 году, теперь к столетнему юбилею писателя, в издательстве «Советская Россия» вышло из печати подарочное издание сказок с рисунками вологодского графика Генриетты Бурмагиной (1939–1984), специально адресованное детям. В книгу включили более половины опубликованных сказок Степана Григорьевича. Замечательные иллюстрации и обложка в стиле русского лубка способствовали росту популярности сказочника, но маленький для всей страны тираж, всего 50 000, помешал широкому знакомству читателей с Писаховым.

В перестройку по мотивам сказок С. Писахова и Б. Шергина снят сборник рисованных мультипликационных фильмов «Смех и горе у Бела моря» (1977–1987), пять фильмов из семи поставлены по сказкам Степана Григорьевича (режиссёр Л. Носырев, он также автор сценария вместе с легендарным Ю. Ковалем). Озвучивал рассказчика Сеню Малину сам Евгений Леонов.

Вроде всё сложилось неплохо — зло, как положено в добрых сказках, побеждено и правда восторжествовала в отношении хотя бы Писахова...

Литературную известность Степан Писахов снискал как автор оригинальных литературных сказок, опирающихся на русский фольклор. «Рассказывать свои сказки я начал давно. Часто импровизировал и очень редко записывал. Первая сказка, „Ночь в библиотеке“, мной была написана, когда мне было 14 лет», — вспоминает писатель. Уже первая опубликованная сказка «Не любо — не слушай...» по характеру так отличалась от традиционного фольклора, что составители сборника пустили её в печать без подзаголовка. Писахов решился дать сказку в сборник по совету Бориса Шергина и Анны Покровской — сотрудников московского Института детского чтения. Именно их поддержка помогла Писахову найти свой особенный, ни на кого непохожий путь в детской литературе.

Основа художественного метода Степана Григорьевича — игровая выдумка, которую он использовал максимально. У него в произведениях повсюду щедро разлит мажор, такая ярмарочная бесшабашная весёлость. Серые северные будни он легко, как по взмаху волшебной палочки, превращает в яркое беззаботное празднество, словно древний скоморох-балагур. Писахов сразу, видимо интуитивно, подобрал удачный образ рассказчика — Сени Малины из деревни Уйма, от лица которого и повёл повествование в своих сказках. Кстати, в этой деревне, и ещё в нескольких соседних: Лявле, Жаровихе, Глиннике, в Архангельске, даже в Карпатах и других известных местах — происходят сказочные события.

Безусловно, невозможно не согласиться с одним из первых исследователей жизни и творчества Писахова, ленинградским литературоведом А. А. Гореловым, на чей очерк (1978) мы во многом опираемся, говоря: «Малина — это воплощение мечты человека о всевластии над природой как дружбе и согласии с нею, и оттого радуги, дожди, медведи, налимь — все превращаются в его волшебных помощников...»

Кстати, Сеня Малина — историческое лицо — Семён Михайлович Кривоногов. В его доме, на втором этаже, в 1892 году при церковном приходе было открыто одногодичное училище, а на первом этаже жила семья самого сказителя Семёна. По словам Писахова, «с Сеней Малиной я познакомился в 1928 году. Жил Малина в деревне Уйме, в восемнадцати километрах от города. Это была единственная встреча. Старик рассказывал о своём тяжёлом детстве. На прощанье поведал, как он с дедом „на корабле через Карпаты ездил“ и „как собака Розка волков ловила“. Умер Малина, кажется, в том же 1928 году. Чтя память безвестных северных сказителей — моих сородичей и земляков, — я свои сказки веду от имени Сени Малины».

Сейчас та самая деревня Уйма (ныне посёлок Уемский) превратилась фактически в пригород Архангельска, и когда гости города едут в известные по всей стране Малые Карелы на выставку деревянного зодчества, то непременно проезжают через знаменитую деревню по бывшему Уемскому тракту, где когда-то зубоскалил с односельчанами тот самый Сеня.

Рассказчик Малина предстаёт перед читателем то крестьянином, то рыбаком, то охотником, то матросом, то солдатом, то рабочим. Главный герой олицетворяет лучшие качества простого народа — хваткого и додельного, щедрого и справедливого, храброго и неунывающего. Можно ли такого героя поставить в тупик невзгодами и трудностями? Разумеется, нет! За его спиной — вся неиссякаемая природа Севера, он сам — её неотделимая часть, отсюда источник его оптимизма. Он вечен, как наш народ — жил при далёком Мамае и при самом Наполеоне. Малина свой среди медведей и чаек, ему подвластны ветры и морские волны. Сеня запросто раскачивает море, правит косяком рыб, даже оседлал тучу, а ещё ведаёт, о чём думают птицы и рыбы. Во как!

Но имеются у Сени Малины, скажем так, черты, которые вызывают двойственное чувство. Например, в сказке «Рыбы в раж вошли» он ворует у капитана корабля еду, да и вообще крайне негативно отзывается о всей команде иностранного судна. Ну ладно, можно понять и даже объяснить — господствующая в то время классовая ненависть к капитану и к штурманам, как к любому начальству, что только и делает, что объедается (для капитана пожарили полкоровы, пишет сказочник) и считает свои выгоды, по мнению части простого народа. Тем самым автор в лице Малины готовит читателя к тому, что он поедет на пароходе как «заяц»-безбилетник, а заодно и съест чужие харчи, по-простому сворует. Но у Писахова даже иностранные матросы вызывают негативные чувства, ведь они почему-то «друг дружку по мордам лупят»? По всей видимости, сказочник пытается показать разницу в менталитете народов, но насколько это правдиво?

Поэтично рассказывает Писахов устами Сени о женщинах-труженицах Уймы. В сказках «что бабы захотят, то и сделают». Так в одной из них («Река уже встала») поморки сдвинули берега их речки, чтобы приблизить город и соседние деревни. «Жонки» появляются на страницах сказок гордыми и смелыми, мудрыми матерями и любимыми женщинами, похожими на «анделов» (ангелов). Так, в замечательной сказке «Пляшет самовар, пляшет печка» жена Малины вызняла (вот так словечко! Его и на хромоу кобыле не объедешь! Но об этом мы ещё поговорим...), видимо, выставила или поставила горячий самовар чай

пить, а сама ушла. А наш замечательный, такой шустрый и работающий Сеня сам себе чая налить не может: «Сижу, чаю дожидаясь»; так и прождал, пока супруга корову не подоила. В сказке «Сила моей песни плясовой», кстати, продолжающей предыдущую, описывается отношение к женщине ещё хуже: теперь супружница сама грузит телегу, а Малина считает, сколько нужно подвод и свезёт ли лошадь груз на рынок. Понятно, что это шутка, но всё же остаётся осадок, как-то тяжело представить поморскую мадонну с мешком на плече, хотя в жизни всё бывает...

Литературные сказки С. Г. Писахова — это продукт индивидуального писательского творчества, но корни его в родном фольклоре, в простонародной манере рассказчика, отсюда порой излишне разговорная речь героев. Но вот у чудес в его сказках совсем иная природа, чем у диковин из русских народных сказок. Они порождены писательской фантазией и вполне мотивированы, хотя мотивировка эта не реалистична, а фантастична.

Отметим, что Писахов-сказочник совсем не похож на Писахова-художника. Если как живописец он стремится как можно точнее запечатлеть открывшуюся ему красоту мира и строго следует собственному требованию «Только правда. Ничего добавлять не надо», то, создавая сказки, давая волю своему богатейшему воображению, реализует с детства жившую в нём потребность в сочинительстве: «Фантастика — мир другой. Всё крутится узором».

«В сказках не надо сдерживать себя — врать надо вовсю», — утверждал писатель, понимая, что никаких строгих канонов у литературной сказки нет и быть не может.

У Писахова подлинное пиршество воображения. Раскрыв книгу, мы встречаем поток совершенно оригинальных образов. Трудно найти подобие в нашей литературе, хотя, как отмечает А. Горелов: «Более отдалённые параллели, притом международные, подчас установить можно: отдельные частности в сказках Писахова созвучны с деталями “Мюнхгаузена” Распе, “Пантагрюэля” Рабле, “Похождений бравого солдата Швейка” Гашека».

Сказки Степана Григорьевича связаны между собой, часто продолжают друг друга или дополняют, например, сказку «Из-за блохи» продолжает «Лётно пиво». Один из исследователей творчества сказочника Ш. З. Галимов отметил, что сказки Писахова невозможно подвести под какую-либо классификацию: они одновременно и волшебные, и сатирические, и исторические, и бытовые, и авантюрные; в них действуют люди, животные, и прецедентные имена (Мамай, Наполеон).

В композиционном отношении сказки Писахова разительно отличаются от русских народных. В них нет традиционных присказок, зачинов, концовок либо они сведены до минимума («Налим Малиныч»), нет повторов и других компонентов. Для его сказок свойственна беседа, устный рассказ, когда рассказчик, ни в чём себя не сдерживая, доверительно повествует сказочную историю, отчасти похожую на бывальщину, не стесняется шуток, иронии, в том числе над самим собой.

Ряд произведений Писахова можно смело считать обработкой народных сказок, в них используются известные сюжеты, но сказочник честно об этом говорит. Вот, например, сказки «Лень да отеть», «Как соль попала за границу». В последнем случае он указывает, что сказку слышал от Варвары Ивановны Тестовой из деревни Верхнее Ладино. Но, как правило, сюжеты у сказочника были оригинальные (в них и проявилось необычное дарование автора), которые он часто выискивал как крупинки золота в народных пословицах и поговорках.

В сказках Писахова на каждой страничке рассыпано много диалектизмов, как клюквы на болоте в урожайный год, отражающих один из северорусских говоров. Их активно использует автор для создания речевого портрета героев — жона, ишшо, робята, в дому («Гуси»), шти («Кислые шти»), в старо время («Лётно пиво»), гостьба («Морожены песни»), повесть-сеновал («Брюки восемнадцать вёрст длины»), одёжа («Портки») и т. д.

Также часто Писаховым используются слова, несущие эмоционально-экспрессивную окраску: ветрище, грозище; уменьшительно-ласкательные: голубушка, кумушка; имеющие значение уничижительности: мужичонка, офицеришка. Много окказиональных слов разной окраски — истуканствовал, быванье.

Использование подобного сказового стиля вполне оправданно, тем более автор следил за его развитием у современников — Бажова, Шергина. Однако у С. Г. Писахова мы часто встречаем явный перебор и неоправданность в употреблении близких к народнопоэтическим речевым средствам словесно-художественной образности. И, как справедливо указывает В. А. Михнюкевич, «...производит впечатление навязчивой нарочитости и нередко доходит до абсурда, когда текст насыщен не только лексическими диалектизмами, но и графически закреплёнными диалектизмами фонетическими («зарумянится», «глазами вперисься», «товды», «хто ково» и т. п.)). Всё-таки надо учесть, Писахов в своих книгах выступал не собирателем и публикатором фольклора, желающим дословно передать речь сказителя, а как вполне оригинальный писатель. Но следует отметить, что данное явление было довольно распространено в это время, подобных проблем не избежал П. П. Бажов, исправляя в поздних изданиях своих сказов россыпи уральского говора, как и Е. В. Честняков, художник и сказочник, в своих сказках передавал разговор жителей деревни Шаблово под Кологривом Костромской губернии. Во многом сказочники старались обогатить русский литературный язык, вводя диалектизмы, которые, как они считали, оживят современную речь.

Не в этом ли злоупотреблении и кроется одна из причин отсутствия общероссийской популярности у сказок Степана Григорьевича, не отпугивают ли незнакомые слова юного читателя, да и великовозрастного, избалованного гаджетами и современными развлечениями, количество которых год от года растёт как снежный ком, что может заставить закрыть книгу, порой навсегда? Поиск неизвестных слов в словарях даже при помощи интернета требует времени и, главное, желания. Вот возьмём, для примера сказку «Рыбы в раж вошли». Перед нами замечательная история о ловле рыбы и возвращении Малины на ходулях домой по морю с промысла. В первом абзаце уже бросаются в глаза слова: «весновал», «поддёв», «мешкотно». Первый глагол «весновал», то есть жил по весне, достаточно поэтический и легко может быть разгадан подростком, ведь вдобавок сам текст подсказывает значение нового и незнакомого слова. Идём дальше. Что за «поддёв» и «мешкотно»? Нынешнему ребёнку, да и городскому подростку XX века, вдобавок не очень понятно, что такое «артель», «тралы», «ловили ярусами».

В указанной самой по себе небольшой сказке всего-то на полторы странички прямо россыпь северного говора: «Мурман», «знат», «гашшивала», «жонка», «выхвостывать», «откудова», «подман», «ден», «одинова», «иттить», «ишшо», «верёх», «ихну» и т. п., такое ощущение, что автор долго и целенаправленно выискивал места в предложениях куда можно ввернуть диалектизмы. На наш взгляд, для данного теста их хватило бы два-три и они не отвлекли бы без конца от занятного и весёлого сюжета, а получается какой-то квест для филолога-любителя — переведи текст.

Вот один из излюбленных приёмов Степана Григорьевича — материализация природных явлений (слова застывают льдинками на морозе, северное сияние дёргают с неба и сушат и т. д.) — становится толчком для развития авторской фантазии во многих сказках. Это во многом определяет особый юмор, который характерен для сказок Писахова: всё, о чём говорится в них, вполне может быть, если в самом начале допустить существование таких овеществлённых явлений. У Писахова в сказках мы находим вполне современные реалии, свойственные XX веку: женщина требует от мужа, чтобы тот отправил её в город «на короткой волне», а муж склонен отправить её на «волне длинной», как более ему подходящей; в другой сказке даже медведь говорит по телефону.

Всё у него в движении, в кипении, ничего не стоит на месте: самовар и печка пляшут, «соборна колокольня за пожарну каланчу» замуж выходит («Уйма в город на свадьбу пошла»), медведи и пингвины то торгуют вразнос на улицах города, то танцуют, а девки да бабы песни поют, слова морозят и продают («Морожены песни»). В сказках Писахова всё носит какой-то вселенский масштаб, в текстах по-северному просторно — Двина в узком месте тридцать пять вёрст в ширину, а в широком — шире моря («Не любо — не слушай»), да и аппетит у героя немереный: за один присест «съел два ушата щей» или половину коровы, ну а северная ягода весит от фунта, считай, от 400 граммов!

Сказочник очень часто, как мы уже упоминали, использует народные пословицы, продолжая и перенося их содержание прямо в сказку. Так, в одной из самых известных и любимых сказок «Морожены песни» хорошо известную поговорку «в Москву за песнями» автор

перелицовывает и, развивая дальше, доводит до абсурда, говоря: «А вот от нас в Англию не столь лесу, сколь песен возили», и эта нелепость вызывает смех. Ну а коли есть пословица о крепких словах, которыми подпирают заборы, — отчего не добавить: «На крепких словах, что на столбах, горки ледяны строят», вот так и рождаются писаховские кружева. Не прочь сказочник прибегнуть к ритмизации: «Приходно, проходно, причально, привально, грузово, весово» или игре слов-близнецов: «в Уйме пряников... уйма».

Для детского восприятия самыми ценными из наследия Степана Григорьевича, конечно, являются те сказки, где Сеня предстаёт мастером на все руки, а руки у него и впрямь золотые, ведь за что ни возьмётся, везде у него результаты «небывалошны» и «неслыхалошны». Особо поражают сказки об охоте и рыбалке, они потрясают детишек, из них издателям надо собрать отдельную книгу. Оригинальные приключенческие сюжеты заставляют читателя не отрываться от текста. Они родственны распространённым шутивным байкам рыбаков и охотников. Малина остроумно вещает о самых невероятных «оказиях»: о штормах и бурях, о встречах с хищниками и кораблекрушениях, о смертельных опасностях и трагических событиях, которые довелось пережить местным жителям. Но все препятствия и все громкие победы Сеня освещает так гиперболизировано, что невольно вызывает восхищение и добродушный смех. На полном серьёзе столько лет, не краснея, он убеждает нас, что голыми руками сумел одолеть сто белых медведей («Белы медведи»), пятьдесят волков («Морожены волки»), громадный косяк трески («На треске гуляли»), поймал бесчисленную стаю гусей («Гуси»). А чего только стоит байка про гигантскую щуку («Собака Розка»), у которой «голова во дворе, хвост в реке», которую вся семья Малины ела три года, да ещё пять бочек продали!

Ну а секрет успеха Малины очень прост — труд и ещё раз труд, а также смекалка. Творчески и сказочно плодотворно он трудится во всех делах, что каждый день ему попадают под руку — «Я на всех работах, в десять рук работаю». Особенно он почитает коллективный, артельный труд. Сеня работает не только для своей семьи, он делится с соседями, его рубашка, пропитанная радужным светом, становится

общим светильником во время семейных торжеств («Своя радуга»). Свои подарки сельчанам он делает тайно, так, найдя несказанно обильные ягодные места, всем хозяйкам «по горсти пятипудовой отсыпал» («Медведь от поповского нашествия избавил»). А сооружённые бахарем «малиновые» столбы преображают всех, даже старых и некрасивых, в сказочно прекрасных, молодых и весёлых людей («Снежны вехи»).

Малина — многодетный отец, у которого «семеро на лавке, пятеро на печи», потому заботится обо всех детях ненаглядной Уймы. Сумев получить бесплатно у богатых «восемнадцать вёрст и ещё пять метров» ткани, вытянувшись сам в такую длину, Сеня приодел в справные брюки всех мужиков и мальчишек своей деревни («Брюки восемнадцать вёрст длины»).

Животные помогают Малине как добрые волшебники. Самые обычные домашние животные творят чудеса и превратились сами в чудо-тружеников. Лошадка Карька увозит на одной телеге столько добра с огорода, сколько не смогли бы сдвинуть с места все деревенские лошади. А собачка Розка научилась у хозяина сама охотиться и рыбачить. Даже лесные пчёлы не жалят, а щедро одаривают его и всех жителей Уймы медовыми «самоидущими» пряниками. Что там какие-то пчёлы, в «логово-берлогу» самого ближнего медведя он провёл телефон для приятных бесед...

Во многих сказках Писахов осмеивает своих ленивых земляков («Пирог с зубаткой» и др.) и со всей силы позорит и поднимает на смех дореволюционных врагов простого народа — чиновника, полицейского, попа. (По вполне объяснимым причинам советского бюрократа, от которого Писахов натерпелся изрядно, трогать было нельзя.) Так, в сказках напасти щедро сыплются на них, как из рога изобилия: то пареной репой-брюквой давится губернатор, то народ выкатывает из деревни туши объевшихся полицейских и так далее всё в том же духе. Все недруги крестьян изводятся, и народная убеждённость в неременной победе правды в конце концов торжествует. Всё это долгие годы, во времена СССР, было принято называть социальными сказками, прогрессивными по своему содержанию, обязательно с классовой и богоборческой борьбой. Что касается чиновничества, то тут, как нам

видится, достаётся не только царским писарям да вельможам, главная цель — высмеять всевозможное начальство, в том числе советское, которое ненамного отличалось от дореволюционного, о чём сказочник говорит в письмах.

Писахов своими сказками формирует у читателя стойкое отвращение к взяточничеству и ко всем тёмным сторонам всякой власти, своеобразному антимиру, который мешает жить простому народу. Мы видим в его сказках не классовый подход, а скорее вечную тему противостояния двух миров, своего хорошего и чужого плохого, и как следствие этого — отрицательное отношение к бюрократам малообразованного народа, порой не понимающего, чем занимается чиновник. Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко в книге «Смех в Древней Руси» говорят, что с XVII века, когда обнищание простого народа достигло максимума, что, кстати, содействовало резкому социальному расслоению общества, достаточно широко распространилась письменность в демократической среде. И это позволило писателю из народа, как у нас — Писахову, описывать верхний мир властителей и богачей как чужой и неупорядоченный, исходя из народного представления. Богатые становятся несправедливыми, не знают и не понимают ценности своего благополучия.

Сложнее разобраться с высмеиванием священников в текстах архангелогородца, зная отношение к вере в семье Писахова, да и его паломничество по святым местам и вообще преклонение перед русской древностью, духовностью, насквозь пронизанной религиозностью. Конечно, в сказках писатель выражал народный взгляд на них, который все века был ироничен. И понять это возможно, только если рассматривать тексты сказок не как слепок реальности, а как карнавализацию народной жизни, когда не существует никаких запретных тем. Сама русская церковь много веков допускала сатирические публикации в свой адрес. Так, ещё в XVIII веке даже рекомендовала своим благочестивым читателям, как нам сейчас видится, богохульные тексты «Служба кабаку» или «Калязинская челобитная», чтобы показать людям мир зла и пропасть между добром и злом. К сожалению, мы во многом утратили эту традицию и ныне воспринимаем всё иначе, но это совсем другой разговор.

Народный смех — это не абсолютное отрицание, а скорее уничтожение и развенчание, всегда связанное с возрождением и обновлением. Шутим и смеёмся, потому что хотим, чтобы всё исправилось и стало лучше. Отсылаем любопытного читателя ещё и к книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Писахов мог сколько угодно издеваться над попами, что совпадало с требованием советской идеологии, но вряд ли был ярым безбожником. Скорее наоборот, если знать образ жизни сказочника, его внешний вид, нарочитую манерность, граничащую с театральностью, отсутствие интереса к противоположному полу, хотя он запускал в народ истории о якобы неразделённой любви к портнихе, перед нами, возможно, появится во всей красе юродивый советского периода, а юродивый — это протестующий одиночка («Смех в Древней Руси»). На людях юродивый надевает личину безумия, «глумится», как скоморох, «шалует». Вообще такой тип не только присущ средневековой культуре, но и сохранился в наше время. Прозорливый писатель, хорошо чувствующий людей, укрылся, как щитом, личиной старого и немощного чудака с бородой, за какой-то напускной вечной детскостью, весёлостью духа, что, мол, с такого возьмёшь. А человеку всего-то сорок с небольшим лет, у мужчины крепкое здоровье, чего только стоит ежедневное купание Писахова в Северном Ледовитом океане, есть даже фотография. Отсюда его страсть к пасьянсам и гаданию, толкованию снов, маскараду, переодеванию, в том числе в женскую одежду, невнятность и путаность разговора (бормотание), отказ от алкоголя, хотя в его литературном арсенале имеются сказки о пиве («Пивопровод») и о мясной пище (помните, как Сеня Малина запросто съел полкоровы на иностранном корабле, просто как какой-то Робин Бобин Барабек?). Всё это сбивало с толку различных чиновников и доносчиков, контролирующих каждый шаг советских людей, и, главное, советские органы, ответственные за идеологию, что, возможно, и позволило Степану Григорьевичу избежать ареста в самые лютые времена (кто будет задерживать человека, который, судя по всему, явно не в себе...). Аналогичная ситуация случилась у художника и сказочника Ефима Честнякова: по рассказам местных жителей, когда в тридцатые годы его пришли арестовывать, он прикинулся умалишённым и, сидя на палке, бегал по двору кукарекая, а учитывая, что всё своё свободное

время он играл с деревенской ребятнёй, сделал для них в своём доме небольшой театр, рисовал односельчан, читал им сказки и стихи, то сотрудники НКВД поверили обывателям и не стали его трогать, но с обысками по-прежнему приходили. Кстати, его судьба весьма схожа с судьбой Писахова, только последнему повезло родиться в губернском городе, а не в сельце на берегу Унжы посреди костромских чащоб, но элементы юродства у них очень похожи. Так, например, Ефим предсказывал будущее, и до сих пор местные жители считают Честнякова святым и многие песок с его могилы везут с собой за тысячи вёрст.

Заканчивая тему смеха, добавим: не стоит забывать, что ободрение смехом в самый тяжёлый период жизни, в момент смертельной угрозы — это сугубо национальное явление. Дмитрий Лихачёв напоминает о А. В. Суворове, который шутками подбадривал своих солдат перед битвами и в тяжёлых походах. Так и Писахов, мало того, что привлекал внимание современников к духовному наследию Русского Севера, так ещё и шутил-скоморошил в сказках и в жизни у смерти на краю, чтобы не сойти с ума...

Особняком в творчестве Писахова стоит философская сказка «Сплю у моря», она сильно отличается от сказок от имени балагура Сени Малины и по сюжету, и по языку. В ней не найдёте ни комических, ни сатирических образов. Она написана в конце жизни и посвящена педагогу-просветителю Анне Константиновне Покровской, одной из основателей Института детского чтения Наркомпроса, доброму ангелу-хранителю Степана Григорьевича. Сказочник выступает тут и от имени Малины, и от себя лично. Главный герой представлен здесь в образе былинного богатыря, может, самого Святогора или даже первочеловека, которому в лесу тесно, а в поле бугры помеха. Вот он наконец-то лёг спать на берегу моря, даже скорее океана: «Вздохну — море всколыхнется, волной прокатится. Вздохну — над водой ветер пролетит, море взбелит, брызги пены раскидат. Спал во весь сон, а шевелить себя берёгся. Ежели ногой двину — со дна моря горы выдвину. Ежели рукой трону — берега, леса, горы в море скину». В конце сказки герой, будто в завещании потомкам, с печалью говорит о соборности («общем согласье») простых людей-трудящихся, что именно в согласии

сила: «Старики говорят: один в поле не воин. Я скажу — один в море не хозяин. Кабы в тогдашнее время мог я с товарищами сговориться, дак мы бы всем работающим миром подняли бы море краем вверх, поставили бы стоймя и опрокинули бы на землю. Смыли бы с земли всех помыкающих трудящими, мешающих налаживать жизнь в общем согласье. Да это ещё впереди. Теперь-то мы сговоримся».

Весь мир людей Писахова ясно делится на две категории: честных тружеников, к которым он сам относится, как и его слушатели, и помыкающих ими по своему произволу, не дающих жить всем в согласии, ищущих врагов и загоняющих в рабское состояние...

С. Г. Писахов из той небольшой литературной плеяды, условно назовём «народно-сказочной», куда входили Б. Шергин, П. Бажов, А. Мисюрев и другие родственные им писатели, которые в двадцатые годы ощутили, что жизнь исконной народной культуры находится на переломе развития и может безвозвратно погибнуть в ближайшие десятилетия из-за насильственной смены экономической модели развития страны и урбанизации, что повлекло за собой массовое отвержение привычных эстетических и этических ориентиров. Русский фольклор, накопленный народом за много веков, если не сказать тысячелетий, с конца XIX века входит в период глубокого кризиса. Следовало срочно привлечь к нему внимание общества, продолжить собирание и, главное, переосмыслить, придать ему новые силы, в том числе путём создания литературных сказок (сказов) на народной основе. Фактически переработав, писатели этого направления перенесли в русскую литературу сокровища народного творчества, которые продолжают радовать нас до настоящего времени.

Буквально два слова скажем об ответвлении на древе фольклора в середине XX века, как раз развивающемся в то же время, что и творчество Писахова. Её яркими представителями были А. Мисюрев, М. Крюкова и другие менее известные сказители и литераторы. Разговор пойдёт о так называемых «новинах», прославляющих советскую власть, их, кстати, умудрились создать более шестисот. Отчаянная попытка новоиспечённых властей и преданной ей части литераторов с помощью средств стилизации внести новый жанр в народный фольклор

и в советскую литературу, легитимизировав тем самым Октябрьский переворот и действия большевиков, последовавших за этим, придав им известную эпохальность. Жанр новин-былин, в отличие от литературной сказки, не прижился, несмотря на все денежные вливания, старания и пропаганду и благополучно скончался в пятидесятых годах, когда не стало так называемого «социального заказа». Таким образом, не каждое направление в фольклоре можно переосмыслить и привнести в современную эпоху, придав второе дыхание. Воссоздать былины, в которых национально-патриотические, общественные мотивы преобладают над всеми остальными и где время и место действия имеют историческое приурочение, в советских условиях не вышло.

Степан Григорьевич Писахов, как писал Фёдор Абрамов в 1979 году в статье «Были и небыли Степана Писахова», несомненно, принадлежит к самым замечательным и своеобразным сказочникам мира. Андерсена, братьев Гримм у нас знают все от мала до велика, о них написаны горы книг. А хорошо ли мы знаем соотечественника и знаем ли вообще? Не слишком ли мало, положив руку на сердце, издаём его, так, от случая к случаю? Абрамов в своей статье спрашивает, а предусмотрено ли в новой столице Севера увековечить мир сказки и былин, и прежде всего Степана Писахова?

Да, завет Фёдора Александровича выполнен. В новой России поставлены памятники сказочнику и его героям, но нам ещё многое предстоит сделать, чтобы не только достойно увековечить и сохранить для потомков имя северного сказочника, но чтобы его герои как добрые друзья вошли в каждый дом, к каждому ребёнку, а для этого надобны книги и иллюстрации, фильмы и мультфильмы, игры и выставки...

Глава 2. Сказки деревенского художника

Ефим Васильевич Честняков

Ефим Васильевич Честняков родился в крестьянской семье Самойловых 19 (31) декабря 1874 года в небольшой деревне Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, крещён 22 декабря. Стал

широко известен, в первую очередь, как художник, уже после кончины, с конца 1960-х годов, когда специалистами-музейщиками были обнаружены его картины и начался систематический сбор материалов о его жизни и творчестве.

В семье Самойловых было трое детей. Ефим, единственный мальчик, оттого, кстати, и самолично получил фамилию Честняков, то есть «честняк» — единственный сын-кормилец. Данное обстоятельство во дальнейшем сыграет трагическую роль, во многом перечеркнёт все его надежды и стремления стать художником и писателем и уехать из родной деревни. Семья Василия и Вассы Самойловых была самая обыкновенная: как все крестьяне в этих местах, они пахали землю, собирали урожай, держали птицу, скот, для которого следовало запастись сеном, ежедневно делали обычную крестьянскую работу, без которой невозможно выжить. Были они когда-то крепостными здешнего помещика по известной фамилии Лермонтов, как после рассказывал Ефим Васильевич, родственником того самого знаменитого поэта. Что ж, изменчивая фортуна преподносит весьма разные судьбы литераторам, как, впрочем, и дарования, и мы с вами уже успели убедиться в этом — одни катятся в классики как по широким проспектам, под звуки открываемого шампанского и литавр, а другие вечно плутают в трёх соснах, будто в дремучем ельнике, третьи шлёпают по болотам или скачут с кочки на кочку...

У маленького Фимы, а он любил, чтобы его так называли, было самое заурядное крестьянское детство, как и у миллионов детишек в его время: деревенские игры с ровесниками, но с малолетства — лишь только малец стал крепко стоять на ногах — подмога родителям, а там, глядишь, и поспела работа в поле или, на худой конец, глядеть за скотиной. Вот как рассказывает сам Честняков: «Утро. Я пробудился — едва брезжит свет. Ещё не рассвело, в избе тихо и нет никого. Только мухи пролётывают да тараканы шуршат по стенам. Постель, где лежу, на полу. У лавки светец. Холодные уголья в корытце, и на полу лучины. Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп — хлопают мялки. Мнут лён в деревне. Тут-тук, тук-тук — молотят на гумнах. Мне жутко в избе одному. Поднялся с постели, к окну подошёл. На улице иней белеет, как снег... Из избы

выбегаю в одной рубашонке...». А вот ещё несколько слов о скромной крестьянской жизни: «Чай дома пили редко, в большие праздники или когда кончат какую работу — сенокос, жатву, молотьбу... Тогда варят яичницу да картофницы, выжинарницы». Так и представляется, что в крестьянском дворе пахнет дымком, шумит блестящий самовар, а в его решётке просвечиваются и мерцают загадочно угольки. Ветер спешит, шелестя листвой вдоль Унжи — река протекает совсем рядом с деревней. Шаблово расположено на возвышенном правом берегу, в живописном месте.

Вот этот крестьянский быт, вековые устои, безусловно, явились основой питательной среды, из которой проросло его будущее творчество, всё своеобразное восприятие окружающего мира. Патриархальный уклад жизни найдёт выражение и в его сказочном идеальном мире, который он щедро разбрасает по своим картинам, театральным постановкам, скульптурам, сказкам и стихам. Мир грёз Честнякова окажется крестьянской утопией, но такой доброй и уютной.

Семья Самойловых была истово верующая, оттого и сказочник пронесёт веру через все выпавшие ему испытания. Отец Ефима был грамотный, разбирал перед праздниками Евангелие, матушка рассказывала сказки и пела песни, дед Самойло приглядывал за деревенской часовней, тоже знал много сказок и поведал, какие пережил приключения, когда ездил в Петербург по делам крестьян. С волнением рассказал про телеги, которые без лошадей по улицам ездят, про многоэтажные дома и фонари на улицах, про пароходы на Неве... Также важную роль в воспитании мальчика сыграла бабушка Прасковья. Прекрасная рассказчица с даром импровизации вдобавок помнила много сказок, говорила обо всём так, что всё приобретало народнопоэтический, сказочный характер. Она и поведала внуку про домового и кикимору, про лизуна, у которого язык будто тёрка...

Рисовать мальчик начал рано, когда ему ещё не было и пяти лет. Прежде срока Ефим самовольно стал учиться читать у соседа — дядюшки Фрола, а через год, в 1882 году, в соседней деревне Крутец открыли четырёхклассную земскую школу, и он перешёл туда. Там впервые паренёк и увидел настоящий рисунок. Из письма И. Е. Репину: «Впервые карандашный рисунок увидел в комнате учительницы — контур дерева, обыкновенная плохая копия. Но я был в восторге. Отчего у меня так

не выходит? Ломал голову, всматривался в деревья, хлестал ветвями и сучьями по снегу и смотрел на отпечаток — не увижу ли чего, что бы помогло разрешить загадку. Учительница не могла мне помочь: она совсем не рисовала, этот рисунок кто-то подарил ей». А еще у отца Ефима хранилось несколько лубочных картин...

С 1886 по 1889 год Ефим обучался в Кологривском уездном училище на улице Вятской, куда сбежал из дома, не спросив разрешения. Но паренька приняли без экзамена, и это несмотря на то, что учебный год начался месяц назад.

Попробуем развеять миф или наоборот только добавим дыма: многие исследователи биографии Честнякова отмечают, что в училище преподавал рисование и черчение местный художник И. Б. Перфильев. Разберёмся. Иван Борисович родился в 1821 году, умер, по имеющимся сведениям, в 1883 году. Он известен как первый профессиональный учитель знаменитого художника Геннадия Александровича Ладыженского (1852–1916) и ещё одного художника — академика Петра Ивановича Невзорова (1831–1900). Стало быть, к сожалению, Честняков никак не мог у него учиться, хотя, безусловно, слышал о нём, скорее всего, и видел его работы. Так, Ладыженский вспоминает, что дом Перфильева напоминал картинную галерею, столько в нём было его картин и различных копий.

Но ряд источников упрямо называет Ивана Борисовича учителем Ефима, мало того, якобы в 1908 году он был вдобавок сослан в Сибирь, и это в 87 лет! В знак протеста Александра, старшая сестра Ефима (!), выпускница Кологривской женской прогимназии, отказалась от золотой медали. Честнякову, например, в 1908 году стукнуло уже 24 года, а сколько же было его старшей сестре, выпускнице даже не гимназии, а только её подготовительного курса? Старшую сестру Ефима Васильевича звали Татьяна, к сожалению, годы жизни её пока неизвестны, о ней мало информации. Так, указывается, что она умерла вместе с мужем в лихолетье, вероятно, от тифа, оставив двух детей, которых будет воспитывать Честняков. Александра — младшая сестра (1887–1968), школьная учительница, связанная с эсерами, — два раза подвергалась

арестам (1937, 1948), окончательно освободилась только в 1957 году, возможно, именно она и отказалась от медали в прогимназии.

Об И. Б. Перфильеве, как об учителе, осторожно упоминают и исследователи жизни и творчества кологривского самородка В. Я. Игнатьев и Е. П. Трофимов, на книгу которых — «Мир Ефима Честнякова» (Москва, 1988) — мы во многом опираемся при написании данного очерка, так что вопрос об учителе рисования шабловского самородка остаётся открытым.

Видимо, большое влияние на маленького Фиму, как на будущего художника, оказали великолепные фрески начала XIX века, находившиеся в приходском Ильинском храме села Илешево. Честняков вполне мог считать своим духовным наставником автора, расписавшего тамошние церковные своды. «Каждое воскресенье ходил к приходу (4 версты), — оставил Ефим Васильевич записи. — В храме особой моей любовью пользовались Воскресение и Благовещение». Частично замечательные фрески чудом уцелели, несмотря на варварское с ними обращение в советский период, но те, что особо поразили Фиму, пока не открыты из-под слоя штукатурки, ведь при большевиках в храме (закрыт в 1932 году) был соляной склад, кроме этого, по росписям даже стреляли. Но, как бы то ни было, будущий художник с младенчества имел перед глазами весьма достойные ориентиры в живописи, хоть и рос буквально в медвежьем углу.

Недавно установлено, что храм расписан местным художником Силой Ивановым. По сведениям илешевского краеведа Алексея Хробостова, художник Сила родился в известном нам Шаблове и был крепостным крестьянином, которого отправили в Петербург, видимо в конце XVIII — начале XIX века, «учиться на художника» (современные искусствоведы относят художника к кругу В. Л. Боровиковского). После окончания Академии художеств Иванов не остался в столице, а вернулся на малую родину, где и занимался росписью храмов. В деревне Шаблово он по собственным чертежам поставил себе колоритный дом с золотым репьем на шпиле. Отчего получил нагоняй от старосты, мол, как можно крепостному иметь жильё краше, чем у барина? Позже Сила Иванов вернулся в северную столицу, и больше о нём не известно ничего.

Так и хочется отвлечься и обратить внимание читателей, насколько обильна Кологривская земля на художников! Видимо, живописные

земли вдоль Унжи, холмы-гряды да перелески рожают в душах необъяснимую страсть к рисованию и поэзии.

Фимка Честняков оказался на удивление способным учеником: любил читать, при первой возможности брал карандаш и рисовал на чём придётся, пробовал писать стихи. К сожалению, он не вёл подробных дневников, но из обрывков писем, записей, воспоминаний, литературных произведений вырисовывается сложная жизнь сказочника и художника. А мы пойдём по ключевым моментам его судьбы, что сформировали из него человека, которого мы теперь знаем.

В 1884 году лёд на Унже тронулся после 23 апреля, но в мае, после 18 числа, прошли страшные дожди, и река снова разлилась и подтопила все берега. Бушующие воды нового разлива подобрались к Кологриву, едва не затопив городок. Но Ефим не замечал непогоды, все помыслы были заняты другим, он оказался на распутье... Так сложилось в жизни, что своей семьи у него так и не появилось: в двадцать лет он полюбил девушку Машу (Марьку) Веселову, но она была небогата, и родители Ефима ему жениться не позволили, да, впрочем, и её сродники были против шибко учёного зятя. Тогда возлюбленная вышла замуж за другого и переехала в другую деревню. По воспоминаниям односельчан, вновь они свиделись только перед её смертью. Несчастливая и единственная любовь наложила отпечаток на всю его жизнь, видимо, с тех пор он не ел мяса, не курил, не употреблял алкоголь и даже перестал охотиться.

Из письма И. Е. Репину мы знаем, что по окончании училища в 1889 году он в двадцать пять лет не в силах больше сдерживать стремления стать художником на грузовой лодке отправляется в учительскую семинарию продолжать образование. Преодолев 300 вёрст до Волги, ему удалось пересечь на пароход и попасть в Ярославскую губернию, там в селе Новое Мологского уезда он начинает учиться. Семинария, которая расположилась в усадьбе, готовила учителей для начальных школ и ранее принадлежала известному драматургу А. В. Сухово-Кобылину, который по совету К. Д. Ушинского продал её для организации учебного заведения.

Ефим по-прежнему при первой возможности рисует и увлекается литературой, много читает. Учился он на стипендию купца К. А. Попова, уроженца Костромской губернии, немало тратившего собственных средств на благотворительность. 3 июня 1894 года Честняков окончил обучение и назначен работать в село Здемирово родной губернии. Там он проработал год и был переведён в Кострому. Оказавшись в большом губернском городе, он попадает под обаяние своего земляка-народника, сына священника А. В. Попова, общавшегося с самим Максимом Горьким.

Не задержался Ефим Васильевич в Костроме и через год по неизвестной причине был переведён преподавателем в начальное народное училище в село Углец Кинешемского уезда. Четыре года, проведённые в этих местах, — очень важный период жизни Честнякова, здесь состоялась его встреча с настоящим театром и на всю жизнь он осознал великую преобразующую миссию искусства. Выходец из патриархальной крестьянской семьи, Ефим оказался в водовороте современной жизни, с жадностью впитывая всё, что находит отзвук в его чувствительной душе. Именно в искусстве, был убеждён Честняков, уготовано для него поле деятельности, и он через творчество сможет воздействовать на окружающий мир и совершенствовать его. Особые надежды он возлагал на театр, в ту пору один из самых активных видов искусства, в котором проявились демократизм, доступность и возможность положительного влияния на общество.

Но изобразительное искусство для Честнякова явилось той формой познания действительности, которая выражала его мировоззрение, мироощущение. Будучи художником «милостью божьей», он упорно продолжал занятия живописью. Это видели друзья и коллеги Ефима Васильевича, и спустя много лет он отметил в письме К. И. Чуковскому, что его рисунки неведомо для него как-то попали к самому И. Е. Репину. Последний, видимо, отметил дарование деревенского художника. Честняков сделал для себя очень важный шаг, который во многом перевернёт его дальнейшую судьбу, — решил отправиться в столицу и поступать в Академию художеств. Кинешемские меценаты поддерживают его стремление. Он получил рекомендательные письма к влиятельным лицам с просьбами о помощи местному дарованию. В Петербурге Ефим Васильевич знакомится с Н. Л. Линёвым, вхожим в круг знакомых самого Ильи Ефимовича Репина.

Поступить в Академию художеств в 1899 году Честнякову не удалось: не было специализированного ценза, следовало получить художественное образование, а самоучек не брали. Но подсобили учительские связи, и наконец-то с января он принялся заниматься в скульптурном музее академии и в мастерской живописи княгини М. К. Тенишевой, где стал преподавать сам И. Е. Репин. Не имея специальных навыков, Ефим с присущим ему крестьянским упорством стал постигать азы живописи. Жил он на поддержку меценатов из Кинешмы, где постоянно устраивались лотереи в его пользу, выставки и продажи его рисунков и копий с картин из Эрмитажа. При этом он умудрялся помогать семье, видимо, благотворительная стипендия не была скудной, как у Писахова, и посылал деньги на обучение сестёр и помощь родителям.

В северной столице происходит мировоззренческий перелом художника, Честняков начинает отходить от народнических взглядов на будущее России. В качестве панацеи он выдвигает идею универсальной крестьянской культуры, следуя знаменитому девизу Ф. М. Достоевского «красота спасёт мир». Кроме духовной деятельности она включала труд и быт крестьян, социальное поведение, фольклор, которые следовало поднять на более высокую ступень ради всеобщего благоденствия. Этой утопической идее он и станет верно служить всю жизнь. Современные исследователи видят в этом влияние группы «Мир искусства», желавшей переделать мир благодаря творчеству и красоте, бродившей на рубеже веков тёмными коридорами символизма с полусказочными тенями-образами из дворянского прошлого. Всё это оказалось близко художнику из Кологрива, только он один из немногих направился в крестьянское прошлое, которое хорошо знал, которое было его плотью и кровью. Честняков сосредоточился на полузабытых русских обрядах, сказках, песнях, былинах, чтобы возвести народное искусство на недостижимый в мире пьедестал, ругая на чём свет стоит царившие в отечественной культуре порядки и слепое следование западным образцам...

В 1903 году Честняков попадает в Высшее художественное училище при Академии, но проучился только по декабрь. Из дома шли

бесконечные письма с просьбами о помощи, хорошо, что ему ещё помогали кинешемцы, и он, будучи в долгах как в шелках, при первой возможности высылал деньги родным. Покинув училище, он пытается начать самостоятельную работу, но дела идут плохо. Отец в письмах зовёт его расписывать церковь в соседнем селе, чтобы наконец-то решить финансовые проблемы, но Ефим не спешит, он максималист и не готов идти на компромисс, ему нужна только та работа, в которой можно творчески выразить самого себя.

Осенью он уезжает на Волгу, в Казань, для поступления в художественное училище, окончание которого даст ему право наконец-то обрести злополучный ценз для поступления в Академию художеств. Пробыв там несколько месяцев, Честняков возвращается обратно в Петербург, он не хочет ещё раз начинать всё с самых азов только ради диплома. Душа художника мечется между высокими устремлениями и обыденностью. Земные дела взяли вверх, в крупных городах и столицах шумят беспорядки, названные позже «революцией», а он в октябре 1905 года уезжает в своё ненаглядное Шаблово, в мир, знакомый ему с детства, в домашний уклад, к ласкающей взгляд родной природе. По приезде домой на его плечи непомерным грузом ложится забота о родителях и родных. Теперь, несмотря на финансовую поддержку из Вычуги, которая продолжалась до середины 1908 года, он сеет хлеб, пашет землю, косит траву, делает всю крестьянскую работу. Лишь зимой выпадают свободные деньки, когда можно перевести дух от постоянных сельских забот. Ефим записывает у односельчан песни, сказки, частушки, а ещё рисует и сочиняет своё, в том числе принимается за большой роман в стихах про Марка Бесчастного. Его радовала самобытность, талант народа, повседневный труд не по шаблону, в отличие от работы наёмного фабричного рабочего, вынужденного механически выполнять одну задачу...

Первое затворничество Ефима Васильевича в Шаблово продлится до весны 1913 года, и оно станет одним из самых плодотворных периодов жизни кологривского художника и сказочника. Ещё в Петербурге он начинает писать сказку-притчу о крылатых людях, продолжает работать над ней и на родине, но так и не допишет её. Она существует

в многочисленных вариантах, набросках. В ней говорится об островитянах, живущих где-то далеко в море и мечтающих о спокойной, свободной и изобильной жизни. И вот они узнают о сытной стране и бросаются снаряжать корабли. Мудрец отговаривает их, убеждая, что счастья невозможно добиться, толкая друг друга. Островитяне гибнут из-за невоздержанности, жестокого нетерпения и чёрствости в отношении других людей. Но история имеет традиционный благополучный конец. Некоторые люди через творческий поиск и тяжкий труд с помощью мудреца изобретают крылья и, оторвавшись от всего низкого, ненадёжного, взмывают в небеса, и видится им та самая волшебная страна. Сказка-притча, весьма модная в то время, показывает, сколь тщетны попытки добыть добро злом, то есть невозможно через насилие построить новое общество, полное мира и гармонии. Философия Ефима Васильевича противоречила массовым «демократическим» воззрениям, подобно заразе поразившим тогдашнюю интеллигенцию, призывающую народ более полувека то к топору, то к террору против власти. Не будем забывать, что сам великий «непротивленец злу насилием» Л. Н. Толстой оправдывал террористов...

Честняков обыгрывает в недописанной сказке евангельские слова Иисуса «будьте как дети» (Мф. 18:3). В раннем возрасте дети сохраняют поразительную целостность ума, сердца и воли. Детям свойственна простота, непосредственность. Им ещё чужды такие незavidные, но привычные качества взрослого человека, как двоедушие, лукавство, лицемерие. Гармония, царящая в душе ребёнка, позволяет ему видеть и гармонию вокруг себя. Мир ребячьей фантазии и мир реальности зачастую не имеют чётких границ и незаметно переходят друг в друга. Ребёнок, рассказывая о чём-то реально виденном, увлечшись, может сам для себя незаметно перейти и к выдумкам. Так и в притче взрослые с гневом осуждают мудреца, а вот дети, напротив, за него и в конце концов оказываются правы. По всей видимости, за этим стояла личная трагедия шабловского мыслителя — окружающие, погрязшие в ежедневных заботах, не понимали его, а просто насмехались над его идеями. Похожая ситуация, как мы знаем, была у С. Писахова, да и не у него одного. Так же, как бы помягче сказать, не понимали односельчане и поэтов, например Н. Рубцова, ссыльного И. Бродского, вместо сенокоса или копания картофеля твердивших себе под нос рифмы...

Честняков, видимо, наивно ожидал, что его искусство, создаваемое для крестьян, благодатно воздействует на их нравы и быт, сделает их чище и добрей. Но малограмотный селянин, с раннего детства измотанный тяжёлым, порой непосильным трудом, в лучшем случае равнодушно смотрел на забавы Фимы и воспринимал всё как чудачество взрослого, непьющего и некурящего соседа, тешащего себя ненужными потехами. Мог ли Честняков тогда достучаться до взрослых душ? Маловероятно. Лишь незадолго до смерти, с середины пятидесятих годов, снискавший в родной округе славу блаженного, он в открытую говорил, что его волнует, и люди к нему худо-бедно начали прислушиваться. А так лишь только святая детвора с восторгом встречала необычные статуэтки из глины, самодельные театрализованные представления, картины и сказки с песенками.

Для них Ефим Васильевич пишет сказки в прозе и стихах, рисует к ним картинки. Так, в поэтической сказке про деревенского паренька Федорку и девочку Яю, местами весьма напоминавшей по слогу и стилю ершовского «Конька-Горбунка», рассказывается, как крестьянин, попав в большой город, дивится тамошним чудесам и соблазнам. Начинается она как известные народные сказки:

Уж не помню, где-то было.

Жил да был старик Вавило...

В сказке есть и летучий корабль-ладья, и красавец похититель, и парень, желающий разыскать чудодея и освободить девушку.

Не отходя от традиционных сказочных форм, Честняков всё же создаёт собственную прозаическую литературную сказку, с описаниями, с подробностями, которые не знала народная сказка, и, конечно, в ней деревья, цветы, ручейки и животные разговаривают и между собой, и с людьми. Окружающая художника природа живая, очеловеченная и живёт сама по себе. Так, сказка «Чудесное яблоко» вмещает многие элементы народной сказки, начиная от «жили-были дедушка да бабушка...», и напоминает всем известную народную «Репку». В лесу происходит чудо — на старой яблоне выросло огромных размеров яблоко; имеются в небылице и говорящий тетерев, и смеющаяся сова

(кстати, редкие герои народных сказок), что подсказывают старику-крестьянину, нашедшему его и вознамерившемуся перевезти его домой. Но в произведении чувствуется автор, в сказке легко читается мысль, что волшебное яблоко можно увезти только тогда, когда старику помогает вся его семья! Дружное семейство — это ли не сила, вместо лошади они впрягаются в повозку-ондрец и увозят находку к людям. Чудесным даром леса лакомятся тоже все вместе. «Привезли домой яблоко, и вся деревня сбежалась... Кушали сырым, и печёным, и в киселе... Соседям всем всегда давали, особенно кто захворает. И хватило им яблока на всю осень и зиму до самого Христова дня».

Сказочное у Честнякова — это то, что сделано дружно всеми вместе, общее дело. В «Шабловском тарантасе» крестьяне сообща построили огромный тарантас, «чтобы вся деревня поместилась...», запрягли двадцать пять лошадей. Едут, по дороге случайно рушат овины, лес ломают... Но мало им совместной поездки, когда вернулись из города, то всем миром постановили сделать по кирпичу, на следующий день уже по шесть, и так пошло дальше. Из них сладили парник-рассадник вдоль деревни, «чтобы теплее было». А ещё каменного старика выше изб (память о предках?), а после водопроводную башню, купили семян, вымостили улицу, по деревне пустили воду. «Получился необыкновенно большой дом, а внутри стоят избы и растут сады», — пишет сказочник. Вот он, прямо с его картины на бумагу и сошёл Город Всеобщего Благоденствия. Стали односельчане хлеб печь вместе в больших печах и еду готовить. Зимой тепло, даже птахи у них под прозрачной крышей зимуют. Ситец сразу на всех жителей Шаблово покупают, да платки носовые, и по дюжине девицам и молодцам делят, а ещё мужикам и бабам, старикам и детям. Вот такая община-коммуна вышла у Ефима Васильевича в сказке и на картине, где живут все дружно и ладно, в тепле и сытости, и, заметьте, без всякого насилия, в отличие от известной повести «Котлован» Андрея Платонова, где герои тоже строят «общепролетарский дом».

Также незатейливы по композиции и содержанию сказки «Иванушко» и «Сергийюшко», но сколько в них доброты и щедрости, картин родной природы. Автор, не скрываясь, соперничает своим героям. Волшебный

мир птичьего царства с пониманием относится к деревенскому мальчику Иванушко, которому захотелось побывать у сказочных гусей-лебедей. Получилась сказка наоборот, отталкивающаяся от одной из самых любимых народных сказок «Гуси-лебеди», только теперь дитё никто не похищает, оно само, подобно лягушке-путешественнице Всеволода Гаршина, кстати, также ныне во многом обойдённого в известности и полузабытого сказочника, просится в полёт. Вот птицы прихватили с собой человеческое дитя и привезли на озеро, где сами зимуют. Здесь, в птичьем царстве, пернатые живут хорошо и, главное, дружно, сообща. На обратном пути приключения маленького гостя продолжают — путники останавливаются на ночлег посреди леса и у медведюшки находят тёплый приём: «И повёл в свою избушку, накормил-напоил, ягод нанёс — потчует». В байке царят мир и добро, ребёнок ничего не страшится, нет слёз и горя, никто не визжит, будто его режут, в отличие от полной тревоги переиначенной Львом Толстым английской сказки «Три медведя», далеко ушедшей от оригинала.

В сказке «Сергиюшко» мы видим прямое указание автора на то, как важно людям беречь найденное, дарованное природой. Честняков вновь использует здесь литературный приём, как и в «Чудесном яблоке»: герой сказки за хорошее поведение получает от маленького лесного старичка ягоду такого размера, что её «парнёк обеими руками в обхватку взял». Её тоже всем показали и дружно съели. От той ягоды следовало сохранить семечки, чтобы посадить, и тогда по всей деревне могли бы расти такие же большие ягоды. Вроде всё пошло как надо: «И весь народ стал садить от этих семян. Но случились весною морозы, а лето сухое и жаркое: всё засохло, ничего не уродилось... Но огороды плохо загорожены, вошли коровы, да овцы и лошади — всё съели да затоптали и копытами выбили». Остались люди по своей вине без чудесной Сергиевой ягоды, не смогли справиться с трудностями, и добросердечный читатель горюет вместе с автором.

Поговорим о сказке «Ручеёк», но вначале попробуем ответить сами себе, а что это — пейзажная зарисовка, этнографическое описание, бытовая картина? Послушаем зачин: «Ручеёк вытекает из колодца под Михайловой горой. Это самый низкий колодец во всей деревне. С небольшим широким обрубом. Вода в нём так близко, что бабы черпают её прямо с коромысла». Не ясно. Текст строг, короткие предложения,

будто нарочито отмерены и нарублены автором, напоминает прозу М. М. Пришвина с его «Заосеняло. Мухи стучат в потолок. Воробьи табунятся. Грачи собирают упавшие зёрна на убранных полях» или «Лес берегами как руками развёл — и вышла река». Но тут же, на следующей странице, у шабловского сказочника ручеек уже беседует со снегирём и клёстом, дети играют на пригорке, а бабы полощут бельё. А в конце сказки появляются русалки, в белом тумане над рекой и над оврагом. «Волосы их струятся серебряным светом над самой водой, над оврагом», — старательно описывает Ефим Васильевич, попутно рассказывая, как живёт родная деревня от зимы до Фролова дня, то есть до 18 августа по старому стилю.

Говоря о языке произведений Честнякова, следует отметить, что сказочник проявил себя как знаток кологривского говора, а не только местного фольклора. И фактически выступил за активное продвижение диалектов в городскую речь образованных слоёв населения. Современная исследовательница Е. Г. Веселова утверждает, что сказочника волновало дальнейшее развитие русского литературного языка, который, по его мнению, должен был больше ориентироваться на северорусскую окающую языковую стихию, повседневный язык многомиллионного крестьянства. Потому Честняков при написании сказок широко использовал местные языковые нормы: «баушка» вместо «бабушка», «парнёк» — «парень» и т. д., особенно много подобных слов встречается при описании природы.

Веселова сравнила текст изданных до революции сказок с рукописями Честнякова и установила, что редакторы сказок убрали много непонятных слов, названий местностей и т. д. Безусловно, это облегчает чтение, но, положив руку на сердце, мы должны признать, что сказки рассчитаны на младший школьный возраст и уяснить текст детишкам очень сложно. Как мы видим, главные герои сказок Ефима Васильевича — кологривские крестьяне и маленькие дети, речь их, конечно, должна соответствовать своей тематической группе, но в меру...

Особенную выразительность и экспрессию сказкам Честнякова придают устойчивые общенародные выражения: «хоть горстями бери» — «очень много», «ходить в кругах» — «водить хороводы»,

«заболтать блины» — «приготовить тесто на блины» — и, видимо, свойственные Костромской области: «обыденной чередой» — «как обычно», «в зависти нет» — «в помине нет, совсем нет». Сказочник — знаток живого фольклора и весьма часто использует фольклорные выражения, например, со словом красный, которые обычно встречаем в русских народных сказках: «Вышел Иванушко на крылечко красной весной» («Иванушко»).

Одиночество и непонимание окружающих в Шаблове странного художника, полное израсходование запасов материалов для творчества, да ещё вдобавок информационный голод и жажда показать свои творения в столице способствовали решению Ефима Честнякова снова отправиться в далёкий Петербург и попробовать попасть в Академию художеств.

За финансовой поддержкой Ефим Васильевич привычно обратился к вичугским меценатам в лице Натальи Александровны Абрамовой и её родного брата, крупного фабриканта Сергея Александровича Разорёнова. Но Честняков и не был уверен в поддержке из-за «пресловутой непродажности своих картин», да и из-за того, что не вернулся в Петербург на учёбу раньше. Но необходимые средства всё же поступили из Вичуги в Шаблово в мае 1912 года. Однако сразу отправиться в путь не удалось, обстоятельства жизни крестьянина Честнякова отсрочили поездку до марта 1913 года.

Оказавшись в Петербурге, Ефим Васильевич вновь стал заниматься в академической мастерской профессора Д. Н. Кардовского в качестве частного ученика. Несколько раз удалось ему посетить дачу И. Е. Репина Пенаты, где он показывал своё творчество: читал сказки и стихи гостям художника. Говорят, среди них присутствовал и сам Фёдор Шаляпин, что твердил, мол, езжай в Париж, выставляйся с «мирискусниками». Здесь же Честняков познакомился с К. И. Чуковским, который и свёл его с издателями. И уже в начале 1914 года в журнале «Солнышко» № 1 была опубликована сказка «Чудесное яблоко», а в издательстве «Медвежонок» отдельной книжкой с иллюстрациями автора вышло три сказки Честнякова — «Чудесное яблоко», «Иванушко», «Сергиюшко». Летом 1914 года он иллюстрировал сказку «Семеро сирот из Фростмо»,

которая должна была выйти отдельной книжкой, но начавшаяся Первая мировая война перечеркнула все грандиозные планы и начинания кологривского самородка в столице. Ефим Честняков стал собираться обратно, в родное Шаблово. Перед отъездом у него появилась финансовая возможность приобрести необходимые материалы для будущей работы и благополучно довести до дома большой багаж, кроме того, он купил фотоаппарат — недешёвое и редкое по тем временам изделие.

С этого времени у Е. В. Честнякова начинается период безвыездной жизни на родине. В войне он не участвовал, будучи освобождённым по состоянию здоровья. Кроме крестьянского труда, он становится первым фотографом в Шаблове, запечатлевая родных и земляков (видимо, у него был только один комплект фотопластин, после израсходования которого он их больше не приобретал и более никогда не занимался фотографией).

Свержение царизма и приход новой власти Ефим Васильевич поначалу встречает с воодушевлением, как и многие творческие люди, мечтая рисовать новую Россию. Но новым властям деревенский художник был не особо интересен. В 1918–1925 годах он — член Кологривского отделения Костромского научного общества по изучению местного края. С ноября 1919 года принимал участие в работе Дворца Пролеткульта, где преподавал в художественной и театральной студиях, но ходить пешком по бездорожью в город было тяжело, как и одновременно вести крестьянское хозяйство. С 1920 года Ефим Васильевич жил в основном в родной деревне и с 1 декабря в течение пяти лет руководил созданным им детсадом в Шаблове, где организует детский театр, который в том или ином виде просуществовал до смерти Честнякова.

Стало не до новых публикаций, ещё 17 февраля 1918 года в газете «Правда» появилась программная статья «Забывтое оружие. О детской книге». Прошло всего три месяца с того момента, как большевики захватили власть в стране, но они уже поспешно принялись перестраивать общество по социалистическим образцам. Вот и настал черёд детской литературы. Автор статьи — Л. Кормчий (Леонард Юлианович Пирагис), второстепенный писатель, писавший в том числе и для

детей, который решил присоединиться к победителям и провозгласил детскую литературу важнейшим союзником в деле созидания нового человека. Кормчий провозгласил, что литература — это оружие, которое не должно попасть в руки классовых врагов. Задача советского государства — обеспечить детей более подходящей литературой. Он и сформулировал основные тезисы: детская литература обладает большой воспитательной ценностью, так как влияет на формирование характера, морали и убеждений читателя. А дореволюционная детская литература была в основном буржуазной, служила монархии, церкви и капиталу, воспитывала послушных «рабов», боролась против «вольнодумства» и социализма. От неё, от этого «яда, грязи и мусора», так же, как и от «распространителей», следует освободиться; причём «очищение» детской литературы следует провести безо всякой мягкости и нерешительности. Детскую литературу необходимо монополизировать; государство должно взять на себя ответственность за создание детской литературы. Её цель — создать поколение людей, «свободное от предрассудков и суеверий», людей, которые могут стать «прочным фундаментом для будущего созидания здания свободы и красоты жизни».

Кстати, Л. Кормчий, один из основоположников советской детской литературы, в 1919 году сбежит в Латвию из восхваляемого им «коммунистического рая», где сразу перекарасится в антисоветчика и после 1939 года, перед вступлением советских войск в Латвию, удерёт в фашистскую Германию. Зато статья в «Правде» от 1918 года будет прославляться в СССР до перестройки (любопытных и дотошных отсылаем к статье Б. Хеллман «Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего»).

Устранять нежелательную литературу в Советской России было не так уж трудно. Сразу же после Октябрьских событий ввели цензуру, и уже в 1918 году большинство меньшевистских издательств, газет и журналов стало постепенно закрываться. После, уже во времена НЭПа («новой экономической политики»), вновь появились частные издательства, но просуществовали они совсем недолго, к 1930 году все были закрыты.

Вписывался ли Ефим Честняков со своими сказками в издательскую политику советских издательств? Маловероятно, если ещё учесть и

развязанную Н. К. Крупской борьбу с засильем сказки в детской литературе и её фактическим изгнанием оттуда, а заодно и из библиотек.

Непростые времена. Родной Кологрив удостоил своего самородка-крестьянина лишь двух выставок: в марте 1924 года — выставка эскизов-картин и художественных изделий из глины в краеведческом музее и в июле 1928 года — «Литературно-концертный вечер оригинальных произведений Е. Честнякова-Самойлова» в городском театре, но местный Пролеткульт к этому времени давно открестился от художника Честнякова, по-прежнему говорившего о Боге и о сохранении крестьянской культуры.

С конца 1920-х годов у Честнякова начался творческий кризис, вызванный прежде всего горькой нуждой, отсутствием самого необходимого для творчества, а также непониманием и отсутствием какой-либо поддержки со стороны властей (к тому же громко прозвучало обвинение художника в «буржуазном формализме»). Его творчество не прославляло коллективизацию, ударные пятилетки, а тем более советских вождей, потому считалось малоценным и неактуальным.

В конце 1920-х, в 1930-х годах Ефим Васильевич с горечью наблюдал окончательное разорение русской деревни, слом привычного патриархального уклада. Частенько читал односельчанам стишков:

Где-то нищие дерутся,
То российска революция.
Теребят один другого,
Чуть почти что не нагого.
Ты, товарищ, мне не брат —
Больше у меня заплат.

В его семейном доме устроили колхозный маслозавод, как мы уже говорили, сестру-учительницу дважды арестовывали и осуждали за связь с эсерами. Художник был вынужден ютиться в ветхом овине, тёмном и продуваемом всеми ветрами. Честнякова власти считали чудаком, а значит — неблагонадёжным. За ним была установлена слежка, проводились обыски.

Но художник продолжал рисовать в основном дешёвой акварелью для школьников, которую изредка покупал в Кологриве, а иногда и сам добывая краски из подручных материалов, рисуя портреты земляков на чём придётся (на тетрадных листках, бланках документов), — бумага была в большом дефиците. Известно, что из Москвы краски ему присылал Корней Иванович Чуковский. О словесности в 1920-х годах в письме к И. М. Касаткину он сообщал, что она «почти вся написана раньше». Вот как характеризует свою жизнь шабловский затворник поневоле в письме Чуковскому: «Хижину себе строил из совсем ветхого хлама. Вы, может, спросите, возможно ли какое искусство в морозном шалашике? Без тёплого ателье. Без намёка на покой. Под аккомпанемент гама и сварливых склок, воровства и пьянства — варварских дикостей?» Ещё более красноречивые свидетельства о жизни Честнякова в воспоминаниях А. В. Громова, который в то время преподавал в Кологривском педтехникуме. Он также сетует, что художник странен не от чудачества, а от условий жизни, что выпали на его долю. Сам по себе Фима не был ханжой, никогда ничего не выпрашивал, не ныл, одевался крайне бедно из-за нужды, но отличался исключительной чистоплотностью. И шли к нему люди, как к местному ведуну, юродивому. Он обижался на такие прозвища. А соседи всё равно рассказывали ему свои печали и заботы, делились болезнями и страхами. Особенно много было посетителей в годы Великой Отечественной войны. А сам Ефим Васильевич грезил создать музей в Шаблово и других деревнях об изобилии для всех людей, чтобы на селе стало меньше изнурительного труда.

Со слов Громова, «местные художественные дарования равнодушно смотрели на картины художника, не вникая ни в их замысел, ни в исполнение». Уже перед смертью Честнякова он, по его настоятельной просьбе, неоднократно обращался к ответственным работникам культуры в Костроме и в Ленинграде, чтобы они хотя бы посмотрели творческое наследие художника, но всё было безрезультатно.

К концу тридцатых годов художник из Шаблово отошёл от живописи, сконцентрировался на сочинительстве, но его стихи и сказки не печатали даже в районной газете. Честняков продолжал бескорыстно работать с детьми, даже в его «шалашике» на первом этаже было подобие

сцены для театральных постановок, декорации. Собрав на тележку свои рисунки, глиняные фигурки, он ездил по деревням и с ребятнёй разыгрывал различные сценки, сказки, читал стихи, об этом сохранилось много воспоминаний. Бывало, катит по дороге свой ондрец на двух самодельных колёсах. На всю округу звенят колокольчики-шоргунцы, ребятня со всей деревни сбегается: дядя Ефим едет! А он сварит кашу в котелке у ручья, накормит всех. Потом раздаст костюмы, ребята в них обрядятся, друг на друга посмотрят — и расхохочутся, забудут и о голоде, и о холоде, и о том, как целый день вкалывали на колхозных работах или родительских огородах... И скажет Ефим, как любил говорить: «Я пришёл вернуть вам детство!» Он был противник раннего взросления и настаивал, что у детей должно быть детство...

Но теперь к нему пошли люди в ожидании помощи, будто ощущая что-то особенное, не от мира сего, в этом странном человеке. Кто-то стучал в дверь с вопросами о будущем, кто-то — с болезнями. Ефим Васильевич лечил людей, но неохотно, постоянно повторял, что он не врач. Скрепя сердце предсказывал будущее. Особенно много к нему приходило женщин, но Честняков многих даже не пускал на порог, тех, кто когда-то сделал аборт, выгонял из деревни.

Известность его как блаженного и ведуна росла, и он ушёл в свой праведный мир, закрылся в нём, но не наглухо. По пути от Шаблово в сторону Кологрива, тогда дорога проходила в другом месте, посреди леса, вдали от хоженных троп, Честняков умудрился устроить «зелёный храм», где поставили православный крест и иконы. Там тайно много лет собирались местные жители для молитв и проведения служб...

По воспоминаниям односельчан, ещё в 1959 году к нему, уже почти не выходящему из дома, приезжали из районной администрации и стращали арестом за то, что он во время уборки урожая принимает «по сто человек на день».

Конечно, Ефим Васильевич не отгородился глухой стеной от действительности, страдал, что нет рядом людей его круга, искренне радовался, что в колхозах появились тракторы и комбайны, но сильно печалился, что власти меняют жизненный уклад в деревнях, люди покидают сёла. Он порой не узнавал родные места, время расцвета

окрестных поселений, да и его родной деревушки, давно миновало, менялись и люди. Даже в Кологриве на месте городского кладбища, сломав часовню, ограду и сровняв могилы предков, местные власти устроили танцплощадку. Только в 1937–1938 годах было репрессировано более половины местной интеллигенции — учителей города (воспоминания В. Беляева).

Честняков переживал за своё наследие, просил соседей переписать его тетради, поправлял рисунки. Чтобы наконец-то решить задачу, как «призреть свои детушки-картины», в последнюю свою зиму Ефим дважды вызывал из Ленинграда в Шаблово своего верного товарища А. Г. Громова. «У меня большая забота, что круглой сиротой... останутся мои художества...» (из письма от 16 ноября 1960 года). Но, как мы отмечали, пристроить работы не удалось, они никого не интересовали. Хотя в некоторых источниках указывается, что якобы музейщики предлагали забрать его картины, но воспоминания Громова всё ставят на своё место...

Умер художник в неизвестности и нищете тихим погожим днём 27 июня 1961 года в своей избе-шалашке. По утверждению известного реставратора Саввы Ямщикова, отсутствует даже свидетельство о его смерти, наверно, это символично: получается, художник-сказочник не ушёл, он просто-напросто растворился среди своего народа. Перед кончиной он никого не беспокоил и, говорят, за день до этого ходил по делам в соседнюю деревню. Соседи хватились его не сразу, жил он один, а когда пришли в дом, он лежал на скамье. Похоронили Честнякова на кладбище у села Илешево, недалеко от закрытого Ильинского храма, где его когда-то крестили. Четыре километра до кладбища односельчане несли на руках гроб Ефима Васильевича. Могила сохранилась и крайне почитаема среди местных жителей и не только, считающих его святым человеком.

После смерти Честнякова со временем многое из того, что не смогли забрать родственники, было растащено односельчанами «на память» и детьми из опустевшего дома Ефима, а главная его картина — «Город Всеобщего Благоденствия» — была даже поделена на куски. Из глиняного

«кордона», состоявшего из более чем восьмисот фигур, до настоящего времени дошло ничтожное количество — около сорока произведений.

Широкой публике имя Ефима Васильевича Честнякова было открыто летом 1968 года, спустя семь лет после его смерти, случайно. Во время экспедиции по Кологривскому району музейные сотрудники из Костромы Г. Корф, В. Лебедева и В. Макаров остановились в Шаблово попить воды. В одном из домов заметили картонку, которой было накрыто ведро с водой — на ней оказался занятный рисунок. Стали расспрашивать, мол, что это и откуда, и так узнали о здешнем художнике. С этого времени и начался сбор сохранившегося материала. Племянница Ефима Васильевича, Галина Александровна Смирнова, сберегла часть документов (отдельные тетрадочки, рукописные книги с прекрасными иллюстрациями) и передала их в Костромской музей. Здешние крестьяне также стали потихоньку отдавать хранившиеся у них реликвии, и этот процесс продолжается до настоящего времени.

Посмертная судьба художника и сказочника из Шаблово складывалась гораздо лучше земной: если раньше ни местные, ни областные власти не интересовались его живописью и литературным творчеством, то теперь на Ефима Васильевича обрушилась невиданная слава. Стали выходить статьи в газетах и журналах, приступили к реставрации картин, которой занимался сам Савелий Ямщиков, и, главное, взялись за изучение творчества и до сих пор собираются воспоминания о нём. В 1974 году проведена выставка в Кадашах к столетию со дня рождения художника, а после картины Честнякова ожидали Кострома и Москва, и даже далёкий Париж в 1978 году... В 2004 году на собранные народные деньги открыт дом-музей («шалашка Ефима Честнякова») в родном Шаблово, почти в заброшенную деревню стали возвращаться люди, туда наконец-то проложили дорогу с твёрдым грунтом. А ещё о праведном художнике рассказывают бывальщины, он сам стал фольклором...

Издаются сказки Ефима Васильевича, в том числе не печатавшиеся при его жизни, снимаются фильмы, пишутся статьи и книги о нём. В интернете любознательных ожидают сайты о его творчестве и жизни, но всё равно, как нам видится, Честняков как сказочник, в отличие от художника, мало знаком широкой публике. В советское

время изучению творчества, и в том числе сказок, которые оказались в руках исследователей, чрезвычайно мешала религиозность текстов, направленность его творчества на сохранение традиционного русского искусства, их метафизичность. Авторы замечательной книги «Мир Ефима Честнякова» (Москва, 1988), пытаясь как-то объяснить авторитет художника-ведуна среди крестьян уезда, отмечают вполне в духе того времени, не допускавшем отступлений от линии коммунистической партии: «Будучи человеком высококультурным, в достаточной степени информированным (выписывал целую кипу центральных газет, слушал радио), Ефим Васильевич быстро разбирался в сложных жизненных ситуациях, довольно точно предполагал, как будет решаться тот или иной вопрос. Это делало его в глазах малограмотных и тёмных крестьян своего рода мудрецом и провидцем, который, по их представлениям, может заглянуть в будущее...» Однако возразим уважаемым исследователям. Так, местная газета уже в 1928 году писала с иронией о Честнякове как о «предсказателе судеб», безусловно, на пустом месте такие пересуды возникнуть не могли. Что же касается способности культурного и образованного человека предсказывать будущее, то напомним, что в Кологривском районе в это время действовали педтехникум и зоотехникум, где служило немало гораздо более образованных и культурных людей, но к ним крестьяне почему-то не шли со своими заботами. И последнее — затерянный в бескрайних лесах Кологрив был радиофицирован только в 1939 году, а из сёл лишь только ближайšie колхозы. А Шаблово, если кто позабыл, находилось в пятнадцати километрах от райцентра.

Заканчивая очерк о кологривце, мечтавшем воплотить сказку в жизнь, повторим вслед за ним: «Фантазия — она реальна, когда фантазия сказку рисует — это уже действительность... и потом она войдёт в обиход жизни так же, как ковш для питья... И жизнь будет именно такой, какой рисует её наша фантазия...»

В литературном творчестве Ефим Васильевич следовал основному принципу: народ сам должен творить свою культуру. И прежде всего, национальную по форме. Честняков грезил о создании «универсальной культуры», основанной на национальных началах с обогащением их опытом всемирной цивилизации. «Русский... от культуры других народов возьмет всё, что ему нужно, — писал он, — и вместе со своим

элементом создаст великую универсальную культуру». Будем надеяться, что слова провидца сбудутся.